

1

На первомайскую монстрацию Сергей пришёл заранее и успел занять место в первом ряду зрителей, как раз напротив наспех сколоченной фанерной трибуны. В этот раз редакционное задание было предельно простым — минимум текста, максимум фотографий. Читателям нравятся весёлые провокации; надо дать им то, чего они ждут.

В дальнем конце проспекта показалась голова колонны. На трибуну, одышливо переваливаясь, стали взбираться «вожди» — в чёрных костюмах, с накладными животами. Посередине встал человек в маске президента, по бокам расположились маски первых лиц страны. Силиконовые лица были утранированы, но вполне узнаваемы. Сергей сделал несколько снимков — для себя, в личный архив. В тираж, понятно, эти фотографии не пойдут, но сегодня и без них будет масса прекрасной фактуры, только успевай снимать.

Колонна подошла к трибуне. Монстранты приветствовали «вождей», высоко поднимая плакаты и выкрикивая написанные на них лозунги. Зрители присоединились к нестройному хору, всем было легко и весело. Сергей щёлкал затвором, снимая всё подряд; успеть бы, разбираясь будем потом. Но, делая очередной снимок, уже понимал — этот не пойдёт, этот нет, а вот это хорошо, это то, что надо.

«Монстрация за мократию», «Зри зря», «Муру мур!», «Пису пис!», «Нам здесь всласть»... Прошла колонна за широким транспарантом: «Вперёд в тёмное прошлое!», и снова в толпе замелькали одиночные плакаты: «Фейккульт-привет!», «Праздник весны и трубы», «Я слишком star для этого деръма», «Что я несу»...

Радостное возбуждение зрителей и монстрантов передалось и Сергею. Почаще давали такие задания! Но нет в мире совершенства; монстрация, как и день рождения, только раз в году. К сожалению. И, как всё приятное, она не могла длиться столько, сколько хотелось бы. Колонны уже не шли плотным строем, в движущемся потоке преобладали креаторы-одиночки со своими плакатами. Вот показалась и последняя колонна. Два здоровяка в спортивных куртках несли перед ней транспарант с лозунгом: «За всё хорошее против всего плохого». Сергей щёлкнул и их, автоматически отметив — это не пойдёт, слишком пресно.

Он уже начал снимать аппарат со штатива, когда произошло неожиданное. Поравнявшись с трибуной, колонна, как по команде, стала печатать шаг — синхронно, как на параде. Скандиня: «За всё хорошее против всего плохого! За всё хорошее против всего плохого!» Радостный гомон в рядах зрителей смолк. Сергей непроизвольно напрягся — этот марш совсем не вязался с атмосферой праздника.

Но вскоре колонна миновала трибуну и перешла на обычный шаг; слаженный хор сменился привычным гулом. Сергей зачехлил фотоаппарат, сложил штатив и пошёл к троллейбусной остановке. Дома его ждала приятная работа по отбору лучших фотографий; но неожиданный марш никак не выходил из головы. Что, чёрт возьми, это было?

Сергей присел на ближайшую скамейку, достал телефон и нашёл нужного человека в списке контактов. Маринка Соколова, бывшая одноклассница. На фотографии она была не в форме, а в лёгком летнем платье с глубоким (как же иначе — это же Маринка!) вырезом. Сергей нажал пиктограмму вызова. Марина ответила после третьего гудка.

— Слушаю!

— Привет слугам кровавого режима! — бодро приветствовал её Сергей.

— Привет будущим зэкам! — в тон ему ответила Марина.

— Хотел спросить — ты смотрела сегодняшнюю монстрацию?

— Хотел — спрашивай.

— Так смотрела?

— А, поняла, — оживилась Марина, — законопослушный гражданин хочет сообщить в дорогие органы о глумлении над президентом и лучшими людьми страны? Да? Расслабься и выдохни, у нас не тридцать седьмой.

— Я не о том, — поморщился Сергей, — ты видела последнюю колонну? Которая за всё хорошее?

— Конечно. Красиво прошли ребята, как на параде.

— Вот именно! Как на параде. И тебя ничто не насторожило?

— А должно было?

Сергей демонстративно вздохнул — так, чтоб на другом конце линии было слышно.

— Вот сразу видно, что ты золотая девочка: школа — юрфак — органы. А я целый год Родине долг отдавал. Знаешь, сколько надо тренироваться, чтобы так пройти? И это скандирование — оно же у них было синхронно, как в хоре имени Пятницкого. Где их так натаскали? В каких лагерях? И только ли шагистике они там учились? Ты не в курсе?

Марина была не в курсе. И всерьёз она Сергея не восприняла; или сделала вид, что не восприняла.

— Гражданин, ваше донесение принято в разработку. В вашем личном деле поставлен штамп о добровольном сотрудничестве с органами. Когда кровавый режим падёт и начнётся люстрация, успеете добежать до финской границы?

Сергей снова демонстративно вздохнул.

— Ну спасибо, подруга, предупредила. А помнишь как ты в первом классе...

— Дурак! — перебила его Марина и сбросила вызов.

2

Они подошли незаметно. Вернее, это Леонид не заметил их, прокручивая ленту новостей в телефоне. А когда поднял глаза, уходить было уже поздно. Чёрт его дёрнул скротать лишние полчаса на этой скамейке. Захотелось вновь оживить приятные воспоминания — на этом месте в парке Политеха он познакомился с Динкой. Но тогда был полдень, яркое солнце и масса праздно шатающегося народа. А сейчас вечер, сумрак и ни души на пустых аллеях.

Гопников было четверо. Что это именно они, сомнений не оставалось — спортивные штаны, удобные для драки и бегства, расслабленная походка и безошибочно считываемая нацеленность на жертву. Которой в этот раз оказался он.

И понятное с первого взгляда распределение ролей. Самый высокий, спортивного вида, с орлиным носом — явно лидер. Накачанный бычара справа от него — уличный боец, боевая сила банды. Если против лидера Леонид, может быть, и выстоял бы, то тут без шансов — бычара легко уработает его и один.

Слева от лидера семенил неприятный дрыщ со скользкой улыбочкой. Этот в драку не полезет, но в конце непременно присоединится, будет добивать ногами. Если не что похуже. И последний — щуплый, совсем мальчишка. Этот пойдёт первым, будет провоцировать, нарываться. Пока не даст остальным благородный повод заступиться за обижаемого ребёнка и примерно наказать обидчика.

Как предсказуемо зло в этом мире! И выбор только один — покорно дать себя избить или быть избитым в драке. Собственно, тут и выбора нет.

Тroe остановились в нескольких шагах от скамейки. Щуплый, кривляясь, подошёл к Леониду и протянул грязную ладонь к его лицу.

— Дяденька, дай телефон позвонить! А то мамка волнуется!

— У подельников попроси. — Леонид мотнул головой в сторону троицы.

— Это мои друзья! — притворно возмутился щуплый. — А ты, дяденька, оказывается, жмот!

С этими словами он неожиданно пнул Леонида в голень. Боль полыхнула яркой вспышкой. Мальчишка попытался отскочить, но Леонид успел схватить его за руку и притянуть к себе. Троица двинулась к ним, и Леонид понял — времени не будет даже на замах. Только на удар — локтем в лицо. Сломать нос подонку. Всё лучше, чем стать мешком для битья, не оказывающим сопротивления. Он схватил щуплого за отвороты куртки, рванул на себя и вдруг услышал весёлый голос:

— Стоять, бояться!

Из темноты вышел пожилой мужчина в светлом костюме, за ним трое молодых в спортивных куртках. Гопники мгновенно скрылись в сумраке, шуплый слабо дёрнулся и затих. Леонид посмотрел на него. Гнев мгновенно прошёл; сама мысль сломать что-то этому ребёнку уже казалась ему дикой. Он слегка развернул шуплого, прикидывая — дать ему на прощание пинка или отвесить подзатыльник. Не чтобы отомстить за подлый удар, а просто в воспитательных целях.

Четверо тем временем подошли уже совсем близко. Старший остановился в шаге от скамейки.

— Отпусти мальца, — попросил он, — пожалуйста.

— С какой стати? — огрызнулся Леонид.

— Так надо.

— Это ещё почему?

Старший присел на скамейку в полумetre от Леонида и небрежно закинул ногу на ногу.

— Потому что в одной параллельной вселенной ты сломал ему челюсть и сел в тюрьму. А в другой его кореша выследили тебя и сломали тебе обе руки.

— Что за бред! — не выдержал Леонид. — Какие, нахрен, вселенные!

Но руки разжал, и мальчишка, почувствовав свободу, тут же рванулся в темноту.

— А в нашей Вселенной всё хорошо, — спокойно продолжал Старший. — У тебя всё хорошо, у меня всё хорошо, у них, — он кивнул на своих спутников, — всё хорошо. Разве такая хорошая Вселенная не стоит того, чтобы её беречь?

Леонид ошарашенно посмотрел на Старшего.

— Вы о чём вообще?

— О зле, — ответил тот. — Ты получил заряд зла от этого мальчишки и хочешь пропустить зло сквозь себя. Передать его кому-то. Лучше тому, от кого его получил, но необязательно — можешь кошку по пути пнуть или наорать на свою девушку. Передать зло по цепи. Хотя знаешь, что это неправильно. А правильно — разорвать порочный круг, не пропускать зло в наш мир. В нашу такую прекрасную Вселенную.

Леонид резко встал.

— Знаете что!..

— Знаю, — кивнул Старший. — Тебе пора. Удачи!

Леонид посмотрел на часы — без пяти десять. В десять они с Динкой договорились встретиться у метро; она, конечно, как всегда, опаздывает, но он должен прийти вовремя. Таковы правила игры.

3

После секса они обычно валялись в постели ещё около часа, болтая о пустяках. Леонид рассказал о своём маленьком подвиге — как сегодня он уменьшил количество зла во Вселенной. Динка в ответ презрительно хмыкнула.

— Дурак твой гур. Ты слышал о зажатых аффектах? Когда не выплёскиваешь эмоцию, зажимаешь её в себе, а потом она вылезает наружу какой-нибудь мерзкой психосоматикой.

— Это что, — притворно нахмурился Леонид, — я должен сейчас на тебя наорать? Или ударить? Для здоровья?

— И ты тоже дурак, — улыбнулась Динка, — иди уже в душ.

— Нет, ты объясни, — настаивал Леонид, — у этого сопляка на морде было написано, что его постоянно шпионают. Он нёс в себе эту злость, он и ударил меня, чтоб его хоть на миг отпустило. И теперь эта злость во мне. А что мне с ней делать, если даже наорать на тебя нельзя?

Динка фыркнула и боднула Леонида лбом в плечо.

— Ты точно тупой. Нет в тебе уже никакой злобы, секс прекрасно снимает агрессию.

Она слегка отстранилась и посмотрела на него с хитрой улыбкой:

— Или ещё что-то осталось?

Её рука плавно скользнула вниз. Леонид напрягся и притянул Динку к себе.

— Ещё осталось. Но только на один раз.

Когда остатки свободного зла были окончательно преобразованы в оргазм, Леонид откинулся на спину и закрыл глаза.

— А знаешь, тот мужик, пожалуй, был прав. Так гораздо лучше.

Динка несильно стукнула его кулаком в грудь.

— Попробовал бы ты в этом сомневаться!

— Ни в коем разе! — согласился Леонид. — Но что же тогда получается? Выходит, он заранее знал, что у меня будет секс буквально в течение ближайшего часа? Откуда?

— Вот в следующий раз у него и спросишь.

— Ты уверена, что будет следующий раз?

— Конечно. Ты же теперь избранный. Герой, не позволивший злу войти в наш мир.

Стрелочник, перенаправивший Вселенную на путь добра.

Она осеклась и тревожно замерла — дурачество зашло слишком далеко. Оба сразу вспомнили вчерашний спор о проблеме вагонетки — спор, который не стоило начинать.

Динка положила руку Леониду на грудь и спросила:

— Всё хорошо?

— Нормально. — Леонид встал и потянулся. — Пойду сполоснусь.

Чёртова вагонетка всплыла непонятно откуда — видимо, из инета. Эту проблему никогда не считали актуальной; всегда казалось, что от неё можно отмахнуться, отложить на потом. Но когда появились автомобили-беспилотники, вдруг выяснилось, что это «потом» уже наступило, что программу «кого давить в случае чего» надо прописывать прямо сейчас, причём совершенно однозначно. Динку возмущал сам факт программирования этического выбора, Леонид доказывал неизбежность такого подхода. В итоге они снова поругались и ещё один вечер был испорчен. Задним числом Леонид понимал, что спорить не стоило, они и так ссорятся слишком часто. Потом мириются, конечно, и секс после этого бывает особенно бурным. Тут Динка права — злость переходит в оргазм практически без остатка. Но так можно не заметить грани и дойти до окончательного разрыва. А этого ему бы совсем не хотелось.

Зайдя в ванную, Леонид задержался у зеркала. Нет, на избранного он точно не тянет. Лицо слишком мягкое, кажется, ткни пальцем — и останется вмятина. Глаза невыразительные, подбородок безвольный, волосы торчат в разные стороны. И что только Динка нашла в таком уроде?

И работа у него — не бей лежачего, сисадмин в небольшой конторе. Всё железо в серверной собрал и настроил его предшественник, так что Леониду приходилось лишь устранивать мелкие неполадки, следить за обновлениями да менять картриджи в бухгалтерии. Большую часть его рабочего времени занимали фильмы, стрелялки и инет. «Ленивая сволочь», — вспомнил он; именно так.

В начале весны они попали на авангардную выставку, и там Динка встретила коллегу по чему-то своему, психологическому. Общение продолжили в ближайшем кафе. Олег оказался человеком приятным и лёгким, Леонид даже немного ему позавидовал. Он хотел бы чувствовать и вести себя так же легко, но это, к сожалению, удавалось ему далеко не всегда. Весь вечер Динка общалась в основном с Олегом. Они обменивались понятными лишь им мемами, смеялись над понятными лишь им шутками, вспоминали каких-то общих знакомых. Пару раз Леонид пытался вклиниваться в их разговор, но явно невпопад. С досады он слегка перебрал, и когда под конец Динка удалилась припудрить носик, прямо спросил Олега:

— Скажи, почему она такая? И почему всё равно к ней тянет?

Неуместный вопрос не смутил Олега; он дипломатично перевёл всё в шутку.

— Она ведьма. Вернее, ведьмочка.

— В смысле? — не понял Леонид.

При слове «ведьма» ему представлялась костлявая горбоносая брюнетка с копной спутанных волос. А Динка была блондинкой с короткой стрижкой, спортивной фигурой и милым носиком, на котором в марте появлялась горстка трогательных веснушек.

— Ведьма — это женщина, которая не примет тебя таким, каков ты есть, — объяснил Олег, — ей всегда будет хотеться большего. Жизнь с ведьмочкой будет не самой... Не самой упорядоченной. Но только рядом с такой женщиной мужчина может чего-то достичь.

— Почему?

— Потому что мы ленивые сволочи.

Леонид хотел возразить, но сдержался, вспомнив, что Динка успела шепнуть ему про Олега — без пары, в поиске, и не самом активном. Значит, ему виднее.

Динке про этот разговор Леонид не рассказал, но про ведьмочку часто вспоминал, особенно во время секса. А сейчас вот вспомнил и про ленивую сволочь. Он выпятил нижнюю губу, скривив обиженную гримасу своему отражению — не Супермен, не герой, не избранный. Ну и ладно.

4

В пятницу они встретились поздно. Перекусили наскоро, зато постельные игры растянули дольше обычного. Леонид взглянул на настенные часы.

— Может, останешься?

Динка на секунду задумалась, потом кивнула.

— Ладно. А знаешь, ты сегодня очень-очень сексуально озабочен. Что, начальство наезжает?

— С чего ты взяла?

— Догадайся с трёх раз.

Леонид не ответил. В последние дни Динка часто поддразнивала его, намекая на супергеройскую способность расправляться со злом в постели. Сначала он пытался спорить — мол, у всех же так.

— Отнюдь, — ответила Динка. — Большинство пропускает зло сквозь себя и возвращает его в мир. А многие даже приумножают. У людей хватает своего зла, им чужого не нужно. Они стараются поскорее сбросить его на кого-то. А ты не такой. Ты не злой.

— Не злой? — переспросил Леонид. — Обычно в таких случаях говорят «добрый». Здесь какой-то подвох?

Динка легонько погладила его по щеке.

— Ну какой из тебя добрый! Добро сегодня — это что-то здоровенное с кулаками, месяющее зло в кровавую кашу. А это точно не про тебя.

— Но тогда это и есть зло, — возразил Леонид, — только зло с другой стороны.

— Именно! А ты у меня ни с какой стороны. Ты по жизни не злой.

— Ты думаешь? Просто я так обустроил свою жизнь, что ссориться мне не с кем и не из-за чего. У меня есть всё, что мне нужно, и это никого не задевает. Да что ссориться, мне даже соревноваться не с кем и не из-за чего.

Динка притворно нахмурилась.

— Уверен?

Леонид почувствовал щемящий зуд ревности. Можно сколько угодно уверять себя, что давно пора избавиться от этого глупого чувства,rudimenta ушедшей эпохи; можно доказывать себе, что для ревности нет никаких оснований — всё бесполезно. Ревность всегда найдёт лазейку, проскользнёт, просочится — и вот она здесь во весь рост. Снова попался. Леонид приподнял голову.

— Ты что, обиделась? Брось, ты же всё понимаешь.

— Ага, — кивнула Динка. — Я же у тебя умная, сама всё придумаю.

Динка, конечно, была умной девочкой, но в этот раз она ошиблась. Леонид не считал себя добрым (ладно, пусть «не злым», хотя это резало слух). Всё же в

бесконфликтности, наверное, больше трусости, чем доброты. Зато в соцсетях он порой позволял себе колкости, прекрасно понимая, как они ранят случайного собеседника. Вот и вчера он прочитал одному кошатнику целую лекцию про токсоплазмоз.

В детстве у Леонида была собака, и он надеялся, что когда-нибудь снова будет — когда в его жизни появится хоть какая-то стабильность. Так что, по крайней мере, в одной из сетевых войн он чётко знал свою сторону. В тот день у него с утра болела голова, настроение было препаршивое; а тут ещё в ленте нарисовался этот кошатник со своим «ми-ми-ми, мяу-мяу». Ну и получил по полной.

Toxoplasma gondii (название Леонид, конечно, не помнил, подсмотрел в Википедии) — одноклеточный паразит с двухфазным жизненным циклом. Бесполую часть жизни он может провести в любом теплокровном животном, но для полового размножения ему надо попасть в организм кошки. А жизнь, как известно, ради размножения готова делать всё что угодно. Чтобы пронести свои гены сквозь время, простейший одноклеточный паразит научился управлять поведением высокоорганизованного животного. Инфицированные мыши теряют страх, начинают выходить на открытые территории. Кроме того, запах кошачьей мочи, который отпугивает здоровых мышей, больных, наоборот, притягивает. Заражённые мыши сами приходят в кошачьи владения, буквально лезут в рот котам. Паразит находит своего конечного носителя, в котором может размножаться — что и было его целью. Проще говоря, паразит управляет поведением носителя даже в ущерб его здоровью и жизни.

Люди также подвержены этой болезни, причём заражают их именно кошки. В мозгу и других органах образуются псевдоцисты, выделяющие вещества, способные влиять на поведение человека — тот становится более склонным к риску, депрессии и суициdalным забавам. Увлёкшись, Леонид добавил от себя, что и сама любовь человека к кошкам — не аутентичное чувство, не чистый фонтан окситоцина, но всего лишь эмоция, искусственно созданная паразитом. Порча, наведённая токсоплазмой исключительно для собственной выгоды.

Отправив коммент, Леонид устыдился и уже хотел добавить несколько слов про недостаточность выборки, малую статистику и сомнительность конечных выводов — но не успел. Мгновенный бан. Щелчок мышкой. Интересно, — подумал Леонид, — кто же на самом деле управлял щёлкнувшим пальцем — сам кошатник или поселившийся в нём паразит?

5

Борис прошёл вдоль стены с экраном и уселся в кресло рядом с Матвеем.

— Что-то серьёзное?

— Пока не знаю. Посмотри сам.

Матвей щёлкнул мышкой, и на экране появилась колонна «За всё хорошее против всего плохого». Дошла до трибуны, выровнялась в стройные ряды, промаршировала, чеканя шаг и скандируя свой лозунг. А затем ряды распались, превратившись в обычную праздничную толпу. Этот странный марш продолжался недолго, секунд сорок; но ролик, объединивший записи с разных камер, растянулся минут на пять.

— Ну как? — спросил Матвей. — Что думаешь?

Борис пожал плечами.

— Красиво прошли. Наверное, долго репетировали. Терпение и труд до блеска натрут и самое бессмысленное занятие. Реконструкторы?

— Нет. Не реконструкторы, не ролевики, не спортсмены, не военно-патриотическая организация, не нацисты, не ультра... В общем, «не» любое движение, которое ты можешь вспомнить. И нет — они нигде не репетировали. Даже ни разу не собирались все вместе.

— Не может быть! — не поверил Борис. — Так же не бывает!

— Не бывает, — согласился Матвей, — но это так. У нас уже есть полный список группы, есть подробная геолокация каждого за последние два месяца. Можно с уверенностью утверждать, что никакой тренировочной базы у них нет. Участники иногда

встречаются в квартире Горева, это их идеолог. Мы проверили — обычный блочный дом, строевую подготовку там соседи не смогли бы не заметить. А тем более репетицию речёвки. И встречаются там обычно человек пять-шесть, даже половина группы никогда не собирается вместе.

— Но как ты тогда объяснишь... — начал Борис.

— Не знаю, — ответил Матвей, — у меня нет никакого объяснения. Это меня и тревожит.

— Так может, забить на это? — предложил Борис. — Ничего криминального я здесь не вижу, а забот и без того хватает. Откуда ролик?

— Марина Соколова прислала, её это тоже заинтересовало.

— Вот пусть она этим и займётся.

— Не её профиль. Она занимается криминалом, но его, как ты заметил, здесь нет.

— А мы тут при чём?

— А мы занимаемся непонятками. И они тут есть. Надо разобраться.

Борис недовольно хмыкнул.

— И разбираться с этим придётся мне? Я правильно понял?

— Конечно. Лучшего кандидата не найти — ты схватываешь всё на лету.

Борис побарабанил пальцами по столу.

— С внедрением?

— Нет, — ответил Матвей, — зачем. Они же не преступники. Ненавязчивое наблюдение со стороны, сбор данных. У них есть какая-то идеология; вроде ничего особенного, но изучи повнимательней, я мог что-то упустить.

— Понятно, — сказал Борис, — неинвазивный метод.

— Вроде того, — подтвердил Матвей.

6

Леонид встретил Динку у метро. Торопливо поцеловал в подставленную щёку, потом чуть ниже, в шею.

— О-о-о! — протянула Динка, закатывая глаза. — Что, так сильно обидели?

— Наоборот!

Динка взяла его за руку и потянула за собой.

— Тогда выкладывай.

И Леонид, чуть помявшись, выложил новость, которую хотел приберечь до постели.

— Представляешь, я сегодня встретил твоего гуру.

— Твоего, — поправила Динка.

— Неважно, — отмахнулся Леонид. — Просто представь, какова была вероятность такой встречи. А она произошла, и мы даже друг друга узнали. Интереснейший мужик оказался! Его фамилия Горев, он преподаёт математику в Политехе...

— А имя? — перебила Динка.

— Имя? Не знаю, он не сказал, а мне и в голову не пришло спросить. Да какая разница! Главное, у него есть теория о нашей Вселенной, она многое объясняет. Я не совсем её понял, и он пригласил меня в гости, чтобы всё рассказать. Завтра вечером. Пойдёшь со мной?

— В секту? Да ни за что!

— Это не секта, — возразил Леонид, — там всё строго по науке. И потом — что плохого в секте? Сегодня секта, завтра мировая религия; мне кажется, у этой теории есть такой потенциал.

Динка нахмурилась.

— Даже так? Позволь, я догадаюсь — там всё построено на добре?

— Да что плохого в добре? Чем тебе добро-то не нравится? — обиделся Леонид.

Динка с минуту помолчала.

— А твой Горев, слушаем, не коммунист?

— С чего ты взяла?

— Ну как же — мир Польдня, счастье всем и пусть никто не уйдёт обиженным.
Твори добро и выкладывай в сеть.

— Это не коммунизм, — возразил Леонид, — это гуманизм. Правильная идеология. А я за любую идеологию, которая призывает творить добро. Людям сегодня катастрофически не хватает добра.

Динка покачала головой.

— Чего людям действительно не хватает, так это терпимости. Особенно сейчас, когда все страны соревнуются в изобретениях всё более изощрённых систем тотальной слежки. Хотя твой гуру, скорее всего, назовёт это безразличием. Добро — оно такое: всё, кроме себя, готово объявить злом.

— Ерунда! — возразил Леонид. — Терпимость нужна там, где царит зло. А там, где есть добро, она излишня — добро всё решит.

— Уверен? — спросила Динка. — А вспомни, недавно в инете был скандал с Титенёвым, звездой нашей футбольной сборной. В сеть слили видео, на котором он мастурбирует. И его буквально затравили, даже глагол новый придумали — «титенькать», как синоним понятно чего. Что в головах у этих хейтеров? Они же сами в юности онанировали люто и бешено, а большинство из них, уверена, и сейчас продолжают. Все это делали; более того, если какой-то уникум и сумел уклониться, я бы рекомендовала ему обратиться к врачу. Даже к двум — по психике и по соматике. Уж в чём в чём, а в этом деле днём с огнём не найти праведников, способных бросить камень. Но камни там летели градом.

— И к чему это всё? — спросил Леонид.

— Сейчас поймёшь. Титенёв же звезда, у него масса фанатов. И они не остались равнодушными, стали творить добро — слать своему кумиру слова поддержки, срасти с хейтерами. Ему хотелось, чтобы все как можно скорее забыли об этом скандале, но воины добра никому не позволяли расслабиться — то слово поддержки в ленту, то лучик добра, то гром проклятий на голову употребившего новый глагол. Не знаю даже, от кого он больше настрадался — от хейтеров или от своей группы поддержки.

— Ну а как бы ты хотела, — возразил Леонид, — бросить человека в беде, отвернуться, сделать вид, что ничего не заметили?

— Именно! Услышав такую новость, люди должны были просто пожать плечами — нам-то какое дело? В нормальном обществе такие вещи вообще не должны попадать в новости, а тем более в топовые.

Леонид поморщился.

— Ты на основе одного случайного эпизода накрутила чёрт знает что! Такое вряд ли когда-нибудь повторится, это было редчайшее исключение.

— Лёня, проснись! — перебила его Динка. — Мы живём в мире тотальной слежки, замятинские прозрачные стены давно стали реальностью. Нет никакого привата, завтра в сети точно так же может появиться видео с любым из нас.

— Со мной — нет, — возразил Леонид. — Спасибо тебе, сил на онанизм у меня не остаётся.

— Дался тебе этот онанизм! Пусть будет понос — он же точно у всех случался, ни один хейтер не станет это отрицать. Но если такое видео попадёт в сеть, тебя всё равно будут травить как последнего засранца. Потому что не сформировался ещё у людей этот защитный механизм — терпимость. Или безразличие, называй как хочешь. Вот добро в них есть — но от его проявлений тебе стало бы только хуже.

Леонид помолчал, обдумывая сказанное.

— Так-то у тебя всё гладко. Но я должен выслушать и другую сторону. Ты точно не хочешь завтра пойти со мной?

двоё мужчин в футболках и джинсах, на другом три женщины в коротких летних платьях. Горев на правах хозяина представил присутствующих.

— Знакомьтесь, это Леонид. Прошу любить и жаловать. Леонид, это Виталий. А это Павлик.

Виталий подошёл к Леониду и крепко пожал ему руку. Павлик сделал то же самое.

— Это Вера, наша красавица, — продолжал Горев.

Вера действительно была красивой женщиной, облегающее платье удачно подчёркивало её соблазнительные формы. Дразнящей походкой она подошла к Леониду вплотную, положила руки ему на плечи и внезапно поцеловала в губы.

Леонид недоумённо посмотрел на Горева. Тот пожал плечами.

— Обычное дело, у нас так принято.

Затем подошла Надя и тоже поцеловала его. Она казалась такой юной, что Леонид даже напрягся — а она совершенно взрослая? И нет ли здесь камер? Впрочем, поцелуем всё и ограничилось. Зато Люба не только потёрлась о его предплечье упругой грудью, но и попыталась залезть языком ему в рот.

Леонид инстинктивно отшатнулся. Любое было уже под сорок, и она не походила на любительницу обсуждать философские проблемы; скорее можно было подумать, что она ищет мужчину на ночь.

Горев широко улыбнулся.

— Будем считать, что знакомство состоялось. Рассаживайтесь, друзья, пора ввести нашего нового товарища в курс дела.

Горев уселся в кресло и начал свою лекцию. Леониду невольно вспомнилась студенческая юность — внешность у Горева была типично профессорская. Седые виски, бородка клинышком, очки в тонкой оправе. И говорил он хорошо поставленным лекторским голосом, структурируя информацию отдельными блоками, так, что она укладывалась в голове Леонида аккуратными кирпичиками. Постепенно из этих кирпичиков стало выстраиваться здание теории. Это даже не требовало особого интеллектуального напряжения, всё получалось само собой. Тем более, что многое из сказанного Леониду было уже известно.

Ему немного льстило, что Горев описывает свою теорию в столь развёрнутом виде; он подумал, что для других слушателей у лектора есть более краткая версия, без описания двухщелевых экспериментов с электронами и тому подобных тонкостей. В принципе, идея была проста, её можно было объяснить буквально на пальцах.

Всё сущее — это мультивселенная, то есть бесконечное множество параллельных вселенных, в которых реализуются все возможные варианты существования материи. А значит, существует и бесконечное множество вселенных, абсолютно идентичных с нашей. Полностью идентичных, до последней элементарной частицы со всеми её параметрами. В каждой из этих вселенных существует каждый из нас, со всеми нашими мыслями, чувствами и желаниями — и все эти «я» тоже абсолютно идентичны. Вплоть до момента выбора. Каждый выбор предполагает множество вариантов, и после каждого выбора вселенные ветвятся, появляется множество новых альтернативных вселенных. В каждой из которых остаётся «я» каждого из нас, но эти «я» уже различаются — в зависимости от сделанного выбора.

Горев вспомнил старый фильм — «Престиж», в котором фокусник получает фантастическую возможность «копировать» себя. И начинает забивать этим микроскопом гвозди — использует его для создания шокирующего фокуса по мгновенному перемещению в пространстве. Одна его копия внезапно возникает в другом конце зала, а другая, незаметно для зрителей, падает в бак с водой. Где и умирает. Это всегда страшно, — говорит фокусник, — потому что я никогда заранее не знаю, где окажусь после копирования — то ли в зале, то ли в воде.

Но фокус в том, что он должен был бы оказаться в двух местах сразу — и там, и там. Он бы раскланивался со зрителями, и он бы умирал в муках — одновременно. Так и

мы, совершая каждый выбор, умножаем и вселенные, и свои «я». Мы не чувствуем эти альтернативные «я», мы чувствуем только себя — но они существуют. И многие из них страдают, а то и умирают в результате неправильного выбора. Но мы-то с вами здесь, в этой прекрасной Вселенной. И чтобы она оставалась такой же прекрасной, мы должны совершать только правильные выборы. Добрые выборы. Не пропускать зло в нашу Вселенную. Не направлять её на путь страданий.

Горев встал, подошёл к Леониду и положил руку ему на плечо.

— Вот и с нашим новым товарищем я встретился в момент его выбора. Он мог наказать хулигана — дать ему пинка или отвесить подзатыльник. Но он отпустил мелкого пакостника. Он сделал правильный, добрый выбор. И теперь он с нами.

Горев заглянул Леониду в лицо.

— Ты же с нами? Я тебя убедил?

Леонид отрицательно покачал головой.

— Нет. Звучит всё красиво, признаю. Но это же невозможно.

— Почему?

— Демон не позволит.

— Какой демон?

— Демон Лапласа.

8

Горев только усмехнулся; похоже, он знал этот аргумент и был готов к нему. Но возражать не стал. Вернулся в своё кресло и кивнул:

— Объяснись.

— Тут всё просто, — ответил Леонид. — Если, как вы говорите, вселенные абсолютно идентичны, то ветвиться они в принципе не могут. Если идентичны все характеристики всех частиц во вселенной, то и вести себя они будут одинаково — сколько бы времени ни прошло. И наши выборы тут ни при чём. Выбор — это мысль, психический акт. А мысль — это результат электрохимических реакций в мозгу. Но эти реакции осуществляются материальными частицами, а частицы, как мы договорились, полностью идентичны. Если одинаковы все начальные условия, то и выбор может быть только один. Если идентичные вселенные и существуют, они будут идентичны всегда — ныне, присно и во веки веков. Ибо одинаковые условия всегда дают одинаковые результаты, и никак иначе. Это называется «детерминизм»; он кроет все ваши теории, как бык овцу. А что может покрыть детерминизм?

Вопрос Леонид задал как риторический, но Горев ответил на него:

— Эмерджентизм.

— Что? — не понял Леонид.

— Эмерджентизм. Простые законы всегда корректируются законами сложными. Ты говорил о детерминизме частиц, о детерминизме элементов. Но элементы образуют системы. А свойства системы не равны сумме свойств образующих её элементов. Они всегда есть нечто большее, нечто новое. Бергсон считал, что будущее эмерджентно, то есть отлично от суммы всех своих причин. И наши выборы так же эмерджентны, как и наша свобода воли, как и наше мышление. Это система; она вклинивается в зазор между настоящим и будущим и сдвигает стрелку выбора, направляя Вселенную по выбранному пути. А наша задача — выбирать правильные пути. Добрые пути.

Горев остановился, ожидая ответа. Но Леонид молчал, собираясь с мыслями.

— Мне надо побывать одному, — сказал он наконец.

Горев не стал возражать и отвёл его в дальнюю комнату. Не зажигая света, Леонид сел в кресло и задумался. Всё оказалось сложней, чем он ожидал. Он хотел всего лишь услышать новую теорию, получить материал для размышлений. Но теперь, похоже, ему придётся корректировать что-то в самом мировоззрении. Причём в одном из самых спорных разделов, который он называл «свобода воли».

Мировоззрение представлялось ему гигантским зиккуратом, сложенным из бесчисленного множества кирпичиков — фактов о физическом мире, о социуме, о психике. Фактов самых разнообразных — от космогонии до обыденного опыта. У зиккурата была своя структура и своя история.

В детстве Леонид был вундеркиндом, но пубертатный взрыв легко выбил из него эту дурь. Одновременно со спермотоксикозом его накрыл и экзистенциальный кризис — кем быть, чему посвятить жизнь. Астрофизика, кибернетика, психология, физика элементарных частиц, история, литература, нейрохирургия, палеонтология — всё казалось таким привлекательным. Леонид пачками поглощал научпоп самой разной тематики, мало что понимая и почти всё забывая сразу после прочтения. Но что-то всё же сохранялось, застrevало в памяти — и ложилось в зиккурат очередным кирпичиком.

Тогда он был уверен, что мировоззрение обязано быть полным и непротиворечивым. Иначе ведь и быть не может, иначе всё здание просто обрушится. И Леонид усердно пытался заполнить пробелы в своих знаниях хотя бы на уровне научпопа. Лишь когда гормональные бури остались позади, пришло понимание — он не обязан знать всё. Не обязан досконально понимать работу всех механизмов, структуру всех процессов. В большинстве случаев вполне достаточно знаний на уровне «чёрного ящика». Пока чётко представляешь зависимость выходного результата от входного воздействия, управление в твоих руках.

Леонид называл это первым уровнем мудрости. Пусть в здание зиккурата попали пустые кирпичи, лишённые клинописи; это никак не повлияет на его устойчивость. Пусть полнота мировоззрения будет относительной, но требование непротиворечивости останется в силе. Ведь кирпичик ложного факта может рассыпаться в любую минуту, грозя поколебать всё здание. Поэтому, как только такой ложный факт обнаружится, нужно немедленно избавляться от него и заполнять зияющий пробел.

И только много позже Леонид ослабил второе требование — в принципе, ложный факт можно и оставить, если поместить негодный кирпич в оболочку с предупреждающей надписью: «это не так!». Он называл это вторым уровнем мудрости; первым, по его мнению, обладали все, но второй был доступен лишь немногим. Здесь Леонид ошибался — все люди говорят: «Солнце взошло» и «Солнце зашло», как будто Солнце действительно вращается вокруг Земли. Хотя прекрасно знают, что это не так. Но строить фразу более точным образом — «Земля повернулась настолько, что Солнце показалось (или скрылось) за линией горизонта» было бы слишком затратно. Поэтому все приняли негласную договорённость — говорим так, но знаем, что это неправильно.

Теперь Леониду предстояло покрыть кирпичик «свобода воли» ещё одной оболочкой — «возможно, всё не так просто». Не самое приятное занятие — менять что-то в устоявшемся мировоззрении, но иначе нельзя, интеллектуальная честность требует.

Его размышления прервала Люба, появившаяся в проёме двери. Она бесшумно подошла к креслу и села на подлокотник, прижавшись бедром к его руке. Леонид почувствовал лёгкую досаду — она-то здесь зачем? Ей мужик нужен, а не вся эта мутная философия.

— Ты действительно веришь в мультиверс? — спросил он.

Люба склонилась к его уху и горячо зашептала:

— Верю! Верю в мультивселенную, в сад расходящихся тропок, в эмерджентность, в свободу воли. Я ведь осознаю всё — себя, тебя, внешний мир. Но если бы всё было заранее предопределено, это моё осознание было бы избыточным.

Леонид на секунду завис. А ведь верно, чертовски верно! Как он сам до этого не додумался! И Горев ничего такого не говорил. А эта увядшающая женщина с лицом продавщицы сельмага сказала — как гвоздь забила, ни прибавить, ни убавить. Неужели они все здесь такие продвинутые?

Леонид рассказал Динке всё — и про мультивселенную, и про эмерджентность, и про значимость каждого выбора. Динка слушала внимательно, не перебивая. Когда он закончил, спросила:

— А женщины там были?

— Что? — не сразу понял Леонид. — А, женщины... Ты не поверишь, как на подбор — Вера, Надежда и Любовь. Я думаю, Горев специально пригласил именно их, чтобы произвести впечатление.

— И как, произвёл?

— Не очень. Особенно когда они целоваться полезли, у них там так принято...

— Что?! — возмутилась Динка. — Так ты туда целоваться ходил? Обмениваться жидкостями с незнакомыми стервами? А других способов обмена жидкостями там не было?

— Это было так неожиданно, я просто не был готов... — стал оправдываться Леонид. — А ты что, ревнуешь? Ну прости...

Он потянулся к Динке, но та оттолкнула его.

— Ты не думаешь, что мог подцепить там какой-нибудь герпес? А теперь хочешь поделиться им со мной?

— Не преувеличивай, какой герпес... — начал Леонид, но Динка перебила его:

— Если масса незнакомых людей запросто обменивается микрофлорой, там может быть всё что угодно!

Она обиженно отвернулась. Леонид подождал немного, потом сказал первое нейтральное, что пришло в голову:

— Пойду сделаю нам кофе.

Через несколько минут он вернулся с подносом. Динка, похоже, немного расслабилась, и Леонид снова начал:

— Признаю, виноват. Был не прав. Каюсь. Готов загладить. Что я могу сделать? Льдинка, ну не молчи! Ты что, теперь всю жизнь будешь дуться?

Динка повернулась к нему.

— Ты же знаешь, Лёня, ты мне очень дорог. И я многое могу тебе простить, возможно, даже измену. Наверное, могу, но ты лучше не проверяй. Я прошу, если это что-то случайное, однократное. Но ты ведь собираешься и дальшеходить к Гореву? А там опять будешь обмениваться жидкостями — ведь у них так принято? Так ведь?

Леонид молчал, не зная, что ответить. В этот день они больше не разговаривали.

Утром браслет на руке Леонида завибрировал — пора вставать! Леонид легко вскочил с постели, зашёл в туалет, затем в ванную; сполоснул лицо холодной водой и вышел на кухню. Там он начал делать зарядку — впервые лет за десять, если не за пятнадцать. Места для упражнений было маловато, приходилось постоянно следить за руками, чтобы не задеть кухонные шкафы.

В кухню заглянула заспанная Динка в пижамных шортиках и маечке.

— Что ты тут делаешь?

— Чертей ловлю, — попытался пошутить Леонид; но, поняв, что шутка не удалась, пояснил:

— Зарядку делаю, что же ещё. Решил за здоровьем следить.

— Похвально, — сказала Динка, — но почему именно сегодня?

— Когда-то ведь надо начинать, так почему бы и не сейчас.

— После встречи с твоим гуро? Тебе там точно мозг не промыли?

Леонид невольно поморщился.

— Динка, кончай уже, сколько можно.

Он очень хотел помириться и снять, наконец, всё накопившееся раздражение. Для этого нужно было совсем немного — сказать Динке, что он забудет Горева и никогда больше не переступит порог его квартиры. Но сказать это Леонид не мог.

В первый момент Борису показалось, что кабинет пуст. Но уже через секунду из-за огромного монитора показалась худое лицо с высоким лбом и выступающими скулами. Матвей улыбнулся, кивнул другу и указал на кресло рядом с собой.

— Рассказывай. Заметил что-то необычное?

— Пока нет. Группа как группа; собственно, их и группой-то можно считать лишь весьма условно. Встречаются в квартире у Горева по пять-семь человек, обычно разным составом; все вместе никогда не собираются. Обсуждают философские проблемы — мультивселенную и все связанные с ней аспекты. Базовая теория — модальный реализм Дэвида Льюиса и концепция ветвящихся вселенных Хью Эверетта. Самые частые темы — альтернативные пути развития. Как было бы ужасно, если бы всё повернулось иначе, и как хорошо, что всё пошло именно так. Сами себя они называют стрелочниками. Обычный книжный клуб. Единственная странность — женщины при встрече целуются. И с подругами, и с мужчинами; это у них уже практически ритуал.

— В губы? — уточнил Матвей.

— Именно.

— Довольно необычно для заурядного книжного клуба. Но, может, там личные тараканы Горева поработали. А что у тебя по главной теме? Есть идеи, почему эти ботаны могут маршировать не хуже Кремлёвского полка?

Борис развёл руками.

— Пока нет.

— И что планируешь?

— Прогнать всех стрелочников через диспансеризацию, взять кровь на анализ, искать в ней что-то необычное. Может, Горев их чем-то накачивает; они на своих посиделках пьют кофе ведрами.

— Всех не стоит, — возразил Матвей, — это будет слишком подозрительно. Есть ли у них новичок, который недавно проходил диспансеризацию? Хочется сравнить кровь — изменилось ли там хоть что-то.

Борис просиял.

— Как же я сам не догадался! Есть такой, и его даже на диспансеризацию гнать не придётся. Леонид — добровольный донор; данные по его старой крови можно изучать хоть сейчас, а через неделю и новая поступит, он к этому подходит очень ответственно. Причём крови этой будет — хоть залейся, хватит на любые реакции.

Матвей поднялся, завершая разговор.

— Договорились, будем ждать результатов.

Долго ждать им не пришлось. Через несколько дней Борис вновь появился в кабинете Матвея, включил планшет и молча положил его на середину стола.

— Новая кровь? — спросил Матвей.

— И не только. Так удачно сложилось — когда клиент пришёл, там как раз шла модификация базы доноров. Так что у нас есть и соскоб, и флюшка, и всё, что проверяют в экспресс-варианте.

— Клиент пришёл, когда шла модификация, или модификация началась, когда пришёл клиент? — уточнил Матвей.

— Второе.

— Понятно. А что с кровью? Нашли там опиум для народа?

Борис отрицательно мотнул головой.

— Нет, никаких наркотиков и стимуляторов. Гормональный фон не совсем обычный...

— Это бывает, — перебил Матвей. — Я сам донор, знаю — там иногда такие медсестрички попадаются... Что ещё?

Борис заглянул в планшет.

— Лёгкая эозинофилия, моноцитоз, ещё кое-что по мелочи. Но это ерунда, с таким букетом его любой военком принял бы с радостью.

— А что не ерунда? — насторожился Матвей.

Борис провёл пальцем по экрану и подвинул планшет к Матвею. На нечёткой фотографии едва можно было разглядеть несколько овалов с неровными краями и затемнением внутри.

— Что это? — спросил Матвей.

— В нашей лаборатории сказали, что это какой-то споровик.

Матвей недовольно нахмурился.

— Споровиков тысячи, в этот класс что только не входит. Что это конкретно?

Борис пожал плечами.

— Не знаю. Пока никто не смог его идентифицировать.

11

Какое-то время Матвей внимательно разглядывал фотографию. Попробовал увеличить, но получилось только хуже. Наконец он отложил планшет и посмотрел на Бориса.

— Как у тебя с биологией?

— Полный лох. Единственное, что помню: «Добродетель — круглый микроб, к тому же с бесчисленными ножками».

— Понятно, — сказал Матвей, — то есть имеем споровик, заражающий человека. Способы размножения и распространения неизвестны, сопутствующие болезни и симптомы неизвестны. Неизвестный науке паразит и неграмотный исследователь-лох. Супер! Всё как всегда.

Он взял планшет и вновь взгляделся в фотографию. Борис молча ждал.

— Будем работать, — сказал Матвей. — Ты пока за главного, будешь координировать проект. А я сегодня же подключу группу Аруджанова. Надеюсь, они во всём разберутся.

— Подключишь? — не понял Борис. — Давида не подключать надо, а передавать ему срочно все материалы. Я своё дело сделал, дальше буду только под ногами путаться.

— Решение принято, — сказал Матвей, — приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Ты это дело начал, тебе его и распутывать.

— Но почему я? — спросил Борис.

— У тебя какая базовая специальность? — ответил Матвей вопросом на вопрос.

— Защита информации.

— А в группе Аруджанова все учёные, биологи и биохимики. Для биолога любой живой организм автоматически считается закономерным результатом эволюции. Раз он живёт — значит, так и должно быть; если феномен распространён, то он естественен. Для настоящего учёного конспирологические теории — дурной тон, учёные заняты поиском чистой истины. А для защитника информации некоторая паранояльность в подходах — часть профессиональной подготовки.

— Конспирологические? — переспросил Борис. — На что ты намекаешь? Хочешь сказать, что этот паразит мог быть выведен искусственно? Или что именно он влияет на поведение стрелочников?

— Ни на что я не намекаю, — ответил Матвей. — Я сам пока ничего не знаю. Но ход твоих мыслей мне нравится. Я в тебе не ошибся; принимай командование и продолжай думать в том же направлении.

— И всё же — почему я? — настаивал Борис. — Мне кажется, такой проект должен вести учёный.

Матвей покачал головой.

— Они все слишком умные.

— Так в чём проблема? Наберите глупых учёных.

— Нам не нужны глупые учёные. Нам нужны глупые начальники.

Борис вытянулся в струнку и бодро отчеканил:

— Согласен, гражданин начальник!

Матвей поморщился.

— Не глупые, конечно. Умные. Но не слишком компетентные в порученном им деле.

— А смысл? — спросил Борис.

Матвей на секунду задумался.

— Вот ты цифровик. Ты знаешь, как работает электричество?

— Знаю, конечно. Электроны текут по проводам...

Борис замялся.

— Нет, пожалуй, не знаю. Но могу легко рассчитать любую цепь.

— Не знаешь, — согласился Матвей, — но если бы ты несколько лет ежедневно занимался расчётом цепей, у тебя, скорее всего, появилась бы иллюзия такого знания. Ты бы поверил, что знаешь. Вот и с биохимиками точно так же, только ещё хуже. А у тебя свежий взгляд и никаких иллюзий. Нет и не будет — в таком окружении ты всегда будешь чувствовать себя лохом.

— Уже чувствую, — сказал Борис.

Матвей улыбнулся.

— То, что надо. Все мы знаем, что в своём деле Аруджанов — настоящий монстр, у него глубокие знания и огромный опыт. В обычной работе его никто не сможет заменить. Но при столкновении с чем-то принципиально новым он в первую очередь будет искать ответы в этом своём багаже. А нам сейчас нужен дилетант, который не знает, что «в эту сторону думать не надо, потому что это невозможно». Может быть, ответы лежат там, куда профессионал никогда не посмотрит.

Матвей открыл ящик стола, достал бутылку коньяка и две стопки. Налил в каждую грамм по сорок и поднял свою.

— За наш новый проект. Пусть он окажется пустышкой, пусть твой споровик окажется чем-то давно известным и по возможности безобидным. Пусть Аруджанов посмеётся над нами, а мы посмеёмся над собой.

Они выпили не чокаясь. Борис улыбнулся.

— Представляю, какую рожу скрочит Давид, когда узнает, кто будет руководить проектом.

— Не парься, — успокоил его Матвей. — Аруджанов настоящий учёный, он будет только рад, если ты на время освободишь его от административной рутины. Морду он, конечно, скрочит — но это так, для порядка. По-настоящему кислую физиономию Давида ты увидишь, когда после закрытия проекта он вернёт свои полномочия.

12

В том, что проект нельзя было передавать Аруджанову, Борис убедился в первые же дни. Давид не отрывался от своих микроскопов, центрифуг и фильтров; он не стал бы тратить силы на сбор информации о стрелочниках. Не говоря уж о том, что он вряд ли сумел бы оперативно организовать изоляцию заражённых, если бы она вдруг потребовалась. Типичный кабинетный учёный, который считал само собой разумеющимся, что завхоз подносит бесконечные патроны, а организатор определяет цели и осуществляет прикрытие.

Аруджанов с готовностью переложил на Бориса все административные и хозяйствственные заботы; при этом и он сам, и члены его команды смотрели на Бориса свысока, за глаза посмеиваясь над некомпетентным начальником. Его собственные изыскания не считали ценными; скорее блажью работника, который всё равно ни на что больше не способен. Но тут учёные ошиблись — не стоит недооценивать айтишника, специализирующегося на сборе информации.

В понедельник Матвей собрал всю группу в конференц-зале. Аруджанов коротко доложил о первых результатах исследований — облигатный паразит, образует цисты в различных тканях организма, передаётся через кровь и слону, возможно, также половым путём. Названия нет, науке неизвестен. Болезнь протекает практически бессимптомно, при

обычных проверках вряд ли кто-то обратил бы внимание на некоторые аномалии в крови. Мы обнаружили паразита только потому, что целенаправленно искали его.

После Давида выступил Борис.

— В группу стрелочников входят тридцать четыре человека, включая Горева. На встречах женщины целуются со всеми участниками, поэтому мы можем уверенно считать, что на сегодняшний день имеем не менее тридцати четырёх инфицированных.

— Умножай на два, — мрачно сказал Матвей, — жён, мужей, любовниц и любовников тоже надо учесть.

— Не надо, — возразил Борис, — и это самое удивительное. В группе тридцать устойчивых пар и восемь одиночек. Но ни у кого из них нет связей на стороне. Понимаете, что это значит?

— Что все инфицированные в итоге приходят в группу? — спросил Матвей.

— Да! — подтвердил Борис. — По крайней мере, в этом отношении все инфицированные ведут себя одинаково. Кроме того, все они принимают теорию Горева — или религию, смотря как назвать. Все периодически приходят на встречи и участвуют в ритуале, как минимум одном. Во всём этом явно прослеживается система, и поведение стрелочников на майской монстрации в неё укладывается. Хотя как это связано, пока ещё не ясно.

Матвей потёр лоб.

— Давай уточним ещё раз. Я правильно понял — все половые контакты стрелочников ведут к заражению, а каждый заражённый непременно попадает в группу Горева? Так? Исключений нет?

— Есть один неофит — Леонид. Он встречается с девушкой, не входящей в группу. Но у них сейчас кризис в отношениях, возможно, у них даже нет физического контакта.

— Понятно. А что с одиночками? Как у них сексом?

— Периодически. Между собой в случайном порядке, прочных пар не образуют. Но связей на стороне ни у кого нет, если ты об этом.

Аруджанов повернулся в кресле, скрипнувшем под его массивным телом.

— Вы что, действительно подозреваете, что этот паразит меняет поведение людей? Причём на самой тонкой настройке, заставляя поверить в сложную то ли научную, то ли религиозную теорию?

— В религию добра, — уточнил Борис. — Все бы в такое верили — был бы рай на Земле.

Аруджанов выжидательно посмотрел на Матвея. Тот кивнул.

— Да, это рабочая гипотеза. Паразиты порой способны на весьма сложные манипуляции.

— Но как?! — не выдержал практикант Костя. — Я столько статей о паразитах перелопатил — и наших, и зарубежных! Курсовик о них написал на третьем курсе. Но до сих пор не могу понять, как примитивное одноклеточное может управлять высокоразвитыми животными, а тем более людьми.

Матвей усмехнулся.

— Поведение человека — флюгер, его что угодно может изменить. Даже самая тупая реклама на это способна. Что меня действительно поражает, так это способность паразитов перепрограммировать поведение насекомых. Там же всё построено на жёстко прошитых инстинктах; а паразиты встраиваются в эту схему и меняют её, отключая даже инстинкт самосохранения.

— Ну не знаю... — неуверенно протянул Костя.

— Матвей прав, — вмешался Аруджанов, — действительно, поведение млекопитающих часто можно менять довольно грубыми рычагами. Например, токсоплазма повышает уровень дофамина в крови заражённых мышей. Они становятся счастливыми и беззаботными, теряют всякую осторожность и, естественно, становятся добычей кошек, конечных носителей паразита.

— А как же люди? — спросил Костя. — Люди ведь тоже болеют токсоплазмозом. Но кошки же нас не едят.

— Хищники семейства кошачьих жрали наших предков только так. Причём не тех, кто жался по щелям или дрожал в центре стаи — жрали как раз тех, кто ходил по краю. Но именно они, самые бесстрашные и любопытные, совершали все культурные открытия. Не исключено, что расцветом нашей цивилизации мы обязаны токсоплазме. Не зря египтяне обожествляли кошек.

— Хорошо, — сказал Костя, — убедили. Дофамин — это грубая настройка. Но токсоплазмоз же этим не ограничивается, он меняет и отношение к запахам. До заражения запах кошачьей мочи отпугивает грызунов, а после, наоборот, притягивает. А это уже весьма тонкая настройка, её так просто не объяснишь.

— Согласен, — сказал Аруджанов, — здесь ещё много непонятного.

— Так, понятно, заканчиваем, — прервал их Матвей. — Какие у нас ближайшие планы?

— В двух организациях на следующей неделе пройдёт диспансеризация, — ответил Борис. — Будут охвачены трое — две женщины и один мужчина.

— Только в двух? — спросил Матвей. — А в остальных?

— С остальными работаем.

— Хорошо, расходимся. Всем спасибо, все свободны.

В коридоре Борис остановил Аруджанова:

— Скажи, Давид, а с дофамином действительно всё так просто? Можешь на пальцах объяснить?

Аруджанов усмехнулся.

— Если я скажу, что в геноме токсоплазмы есть участок, кодирующий энзим, необходимый для производства дофамина — тебе станет понятнее?

— Нет, — честно ответил Борис.

— Ну и не бери в голову.

13

В столовой Борис подсел к Косте.

— Хотел спросить — ты ведь ещё учишься?

— Да, перешёл на пятый курс.

— То есть ты не входишь в эту команду яйцеголовых?

Костя улыбнулся.

— Я у них падаван. Принеси-подай, сохрани-зафиксируй. Но мне с ними интересно; надеюсь, останусь здесь после универа.

— Желаю удачи! — сказал Борис. — Но я хотел спросить о другом. Ты же прослушал курс паразитологии?

— Да.

— Можешь меня просветить? Рассказать простыми словами про паразитов, меняющих поведение носителя? Я подходил к Давиду, но он сходу начал втирать мне про какие-то энзимы, а для меня это тёмный лес.

— А что тебя интересует?

Борис приподнял чашечку кофе, но тут же поставил её обратно на блюдце.

— Меня поразило, что токсоплазма может менять поведение человека. Простейший одноклеточный споровик! И учёные уже много лет об этом знают. Но это же сенсация! Это же совершенно уникальная ситуация, об этом должны кричать на всех углах, во всех СМИ и блогах. А всем наплевать, все обсуждают каких-то футболистов и певцов ртом. Почему?

Костя пожал плечами.

— Видимо, потому, что ситуация всё же не уникальна. Токсоплазмозом болен чуть ли не каждый второй житель планеты; ещё немного, и мы будем считать его нормой.

Кстати, управляет поведением носителя не только споровики, в природе множество

различных паразитов. Некоторые способны менять не только поведение, но даже внешний вид жертвы.

— Не только споровики? — переспросил Борис. — А кто ещё?

— Да кто угодно. Сумчатые грибы, круглые и плоские черви, ракчи, бактерии, вирусы. Паразиты проникают в мышцы, в глаза, в мозг...

— Стой, стой! — перебил его Борис. — Я, конечно, не биолог, но про гематоэнцефалический барьер кое-что слышал. Он защищает мозг от всех проникновений извне.

— Да? — усмехнулся Костя. — А если энцефалитный клещ или бешеная собака укусит тебя за нижние полушария, как этот барьер поможет твоим верхним полушариям?

— Не знаю, — признался Борис.

— Вирус бешенства попадает в мозг не с кровью, — объяснил Костя, — он проходит по аксонам от места укуса и до мозга. Всё живое уязвимо, и паразиты мастерски находят эти уязвимости.

— Понятно, — вздохнул Борис, — всё страньше и страньше.

— А то ж! — согласился Костя. — Неглерия Фоулера, например, проникает в мозг через обонятельный нерв и за несколько дней превращает серое и белое вещество буквально в кашу.

— Во что я ввязался! — вырвалось у Бориса. — Но вернёмся к нашим поганцам. Ты можешь устроить мне небольшой ликбез по паразитам, управляющим поведением носителя? Только человеческим языком, без энзимов и прочей зауми.

Костя замялся.

— Да я сам уже смутно помню...

— Не прибедняйся, — сказал Борис. — Давид кого попало в свою группу не взял бы. И давай всё же переместимся в парк, а то от твоих рассказов аппетит отшибло начисто.

14

После работы Леонид созвонился с Горевым и договорился о встрече. Он пришёл раньше и ждал минут двадцать — на той самой скамейке, с которой всё и началось. Горев неслышно подошёл сзади и сел рядом. Леонид поздоровался и, не тратя время на пустые любезности, заговорил о главном.

— Я принял твою теорию; она логична и красива, она всё объясняет и многое предсказывает. И она мне нравится — не только эстетически, но и этически. Она добрая, настоящая благая весть.

— Но? — спросил Горев. — Тут ведь есть какое-то «но»?

— Да. Всё принятное мной говорит о том, что новое мировоззрение должно умиротворять людей, делать их счастливее. А я последнее время живу как на измене.

— Проблемы с девушки? — спросил Горев.

— Ещё какие! Она даже встречаться со мной не хочет — ждёт, когда я порву с тобой и с твоим кругом. А я здоровый мужик, мне нужен секс. Во мне много злости, и только секс может как-то деактивировать её, другого способа я не знаю. Да и телу тупо нужен секс, у меня яйца уже гудят от напряжения. Я утром даже поссать нормально не могу из-за постоянной эрекции.

Горев покачал головой.

— Нет, не секс тебе нужен. Если бы всё было так просто! Люба сразу положила на тебя глаз — она готова хоть сегодня, только свистни. Но тебе ведь не это надо?

Леонид вспомнил Любу и согласился — нет, не это.

— Потому что мы люди, — продолжал Горев, — и для нас давно прошли те времена, когда единственным источником вожделения была вагина. Это было актуально, пока запускающим механизмом желания был запах самки в период овуляции. Но с тех пор наш нос сталrudиментом, пригодным разве что для ношения очков. После ковида многие потеряли обоняние — и не почувствовали особой утраты.

— К чему ты это говоришь? — спросил Леонид.

— К тому, что все желания, вся эротика и сексуальность у тебя в голове. В яйцах мотор и бензобак, но руль уже давно только в мозгах. Давай я расскажу об одном своём раннем эротическом переживании — тогда, может, тебе станет понятнее.

— Давай, — кивнул Леонид.

Горев слегка наклонился вперед.

— Мне было тогда лет девять или десять. Родители сняли на лето дачу за городом. Там я быстро влился в компанию своих сверстников, таких же дачных детей. Мы гоняли на великах, ходили в лес, купались в речке. Вода в ней была довольно прохладной, так что купание в основном сводилось к нырянию с мостков и выскакиванию на берег. Зато нырять мы могли без конца.

В нашей компании было несколько пацанов и две девчонки. Одна толстая и рыхлая, а вторая, наоборот, тоненькая и гибкая. Когда мы первый раз пришли на речку, первая была в закрытом купальнике, а вторая в раздельном. Но лифчик у неё был без бретелек, просто полоска ткани на резинке. А поскольку держаться ей было ещё не на чем, эта полоска всё время норовила съехать в сторону. И девчонке приходилось постоянно проверять, что её лифчик всё ещё на своём месте.

Но когда она нырнула и вынырнула, эта полоска, естественно, оказалась у неё на бёдрах. Девчонка смутилась, поспешно стала возвращать лифчик на место — что, по понятной причине, получилось не с первого раза. Мальчишки напряглись, все глаза проглядели — что же там такого интересного? Вроде ничего; но ведь прячет же!

После второго нырка повторилось то же самое. А после третьего девчонке это надоело, она сказала: «Всё равно там ничего нет!» и сняла, наконец, свой как-бы-лифчик. И всё тут же закончилось, никакой эротики не осталось. Скрывать действительно было нечего — её грудь ничем не отличалась от мальчишеской.

После этого она всё лето загорала и купалась в одних плавках, и никого это уже не смущало. А потом лето закончилось, и дачники разъехались. С тех пор детские годы в памяти основательно размылись и истерлись. Но это купание я до сих пор хорошо помню.

С минуту они сидели молча.

— Я понимаю, — сказал, наконец, Леонид, — я и сам часто так думал. Но что ты мне сейчас посоветуешь?

Горев улыбнулся.

— Сам знаешь. Приводи свою девушку к нам — и у вас будет такая гармония, какая тебе и не снилась.

15

Борис и Костя расположились на скамейке в тени старого клёна. Костя достал вейп и затянулся, Борис нахмурился, но ничего не сказал. Костя выпустил пар и откинулся на спинку скамейки.

— Даже не знаю, с чего начать. Понятно, что паразиты не гипнотизируют жертву, не посыпают ей конкретные команды. Они внедряются в организм и создают защитную оболочку, делающую их невидимыми для иммунной системы. А затем начинают выделять различные вещества, меняющие биохимию нервной системы носителя. Эти вещества меняют уровень нейромедиаторов и нейромодуляторов у жертвы, а иногда и сами паразиты производят нужные им нейроактивные вещества. Они, как я говорил, используют все возможные уязвимости организма. Одни паразиты нападают на иммунную систему, другие на нервную систему или на мозг. В основном управление жертвой осуществляется за счёт перехвата управления нейромедиаторами, но некоторым паразитам удаётся целенаправленно поражать нервную систему на генетическом уровне.

— Всё равно не понимаю, — признался Борис, — это же очень грубая настройка, на уровне фона, настроения. А паразиты управляют жертвой очень конкретно, заставляя её совершать вполне определённые действия. Как так?

— Эту тайну пока никто не разгадал, — ответил Костя, — но, может, оно и к лучшему; кто знает, как распорядились бы люди подобным знанием.

— Запутал ты меня, — сказал Борис, — попробуй объяснить на конкретных примерах, может, так станет понятнее.

Костя снова затянулся и выпустил пар.

— Про бешенство ты, конечно, знаешь — болезнь делает большое животное агрессивным, оно начинает кусаться, и вирус распространяется со слюной.

— Но тут же нет никакого управления, — возразил Борис, — только естественный отбор. Просто вирус, вызывающий агрессию, стал распространяться лучше всех своих конкурентов и в итоге вытеснил их.

— А по-другому и не бывает, — согласился Костя, — все паразиты именно так и действуют. Выживает тот, кто сумел получить эволюционное преимущество при размножении. Ты же не думал, что паразит обладает какой-то целенаправленной волей?

— Нет, конечно. Но с бешенством действительно всё просто, там меняется только эмоциональный фон. А я слышал, что паразиты могут заставить жертву совершить целый ряд конкретных действий. Можешь рассказать об этом?

Костя кивнул.

— Да, это очень интересная тема. Со стороны всё действительно выглядит как прямое управление. Настолько убедительно, что, описывая поведение инфицированных животных, обычно говорят: «паразит управляет», «паразит заставляет». Так уж сложилось. Я и сам говорю так же, чтобы не погрязнуть в словесных дебрях.

Будем называть это управлением — для простоты. Нагляднее всего оно проявляется в суициальном поведении жертвы. Обычно это происходит, когда жертва — промежуточный носитель, а паразиту нужно добраться до своего конечного носителя. То есть жертва должна позволить сожрать себя конечному носителю или, по крайней мере, облегчить ему эту задачу. Про токсоплазмоз ты уже знаешь — грызуны бесстрашно идут на запах кошачьей мочи.

Круглые черви нематоды выбирают промежуточным носителем южноамериканского муравья. Им нужно попасть в конечных носителей — птиц; но птицы не едят чёрных муравьёв, птицы едят красные ягоды. Поэтому нематоды окрашивают брюшко инфицированного муравья в ярко-красный цвет, делают его медлительным и неповоротливым и заставляют ходить, задрав брюшко вверх.

Плоские черви сосальщики меняют поведение своего второго промежуточного носителя — ракка-бокоплава. Заражённый ракок перестаёт бояться света, не ищет полового партнёра, не уплывает, заметив хищника. Напротив, если здоровые бокоплавы двигаются только на глубине, а на поверхности замирают, инфицированные всплывают на поверхность и начинают активно двигаться. В результате они заглатываются утками, и сосальщик попадает в конечного носителя.

У ланцетовидной двуустки второй промежуточный носитель — муравей. Двуустка проникает в его подглоточный ганглий и начинает управлять его поведением. Ночью инфицированный муравей не возвращается в свой муравейник, а забирается на высокую травинку и замирает, уцепившись за ее верхушку мандибулами. Его вместе с травой должна съесть корова — конечный носитель двуустки. Если этого не происходит, утром муравей возвращается в муравейник и продолжает жить обычной муравьиной жизнью. Но ночью он вновь лезет на травинку, и так до тех пор, пока не будет съеден.

Червь-паразит заставляет заражённую рыбку киллифиш выпрыгивать из воды, чтобы попасть в конечного носителя — рыбоядную птицу. Личинка волосатика заставляет инфицированного кузнечика прыгать в воду, где он погибает. Оса глиптапантелес откладывает яйца в гусеницу пяденицы. Личинки поедают гусеницу изнутри, затем прогрызают выход наружу и закрепляются рядом. Но несколько личинок остаются внутри полусъеденной гусеницы, чтобы управлять её поведением. Гусеница остаётся рядом с личинками, укрывает их шёлком и защищает от хищников. Так же ведёт себя и божья коровка — полупарализованная и частично съеденная, она продолжает охранять личинки осы-наездника.

Мушиный гриб пускает отростки в нейроны мух. Заражённая муха забирается на вершину травинки, расправляет крылья и умирает; гифы гриба прорастают через сегменты её брюшка. Гриб выбирает идеальное место для распространения своих спор. Также действует и гриб кордицепс однобокий, только он паразитирует на муравьях-древоточцах.

Но мушиный гриб на этом не останавливается. Когда муха-самка погибает, гриб начинает выделять особые ферменты. Они катализируют реакции в трупе, приводящие к синтезу феромонов. Привлеченные ими мухи-самцы слетаются к трупу, пытаются спариваться с ним и заражаются грибком. Причем феромоны при этом вырабатываются в лошадиных дозах. То есть здоровые половозрелые традиционно ориентированные мухи-самки не могут конкурировать с трупом в планеексуальной привлекательности. Они перестают интересовать фертильных самцов; те устремляются к трупу, чтобы заразиться и разносить паразита дальше.

Оса аргирафага парализует паука и откладывает в него свои яйца. Вылупившаяся личинка управляет пауком, заставляя его плести особую паутину, которой нет в его обычной программе. Более прочную паутину, в которой она и построит свой кокон.

Самка усоногого рака саккулины прогрызает панцирь краба и образует на его теле нарост, куда проникает самец. Самка откладывает яйца, которые краб вынашивает как свои. При этом меняется и тело краба — самец становится похожим на самку даже внешне. У него перестают развиваться бойцовые клешни и уменьшаются мужские половые железы.

Костя вновь сделал глубокую затяжку.

— Достаточно?

— Более чем, — ответил Борис, — теперь я вообще перестал что-либо понимать. А что в лаборатории думают конкретно о нашем паразите?

— У нас пока нет единого мнения, — ответил Костя. — Многие считают, что он заставляет стрелочников участвовать в ритуалах с поцелуями — это способствует его распространению. А некоторые даже полагают, что именно он задаёт и основные положения религии добра — чтобы по возможности сберечь своих носителей, не расходовать их понапрасну в бессмысленных стычках. Большинство, конечно, считает это бредом; но уже несколько дней все в лаборатории между собой называют нашего паразита пацификом.

16

Вечером Леонид позвонил Динке. Трубку она взяла после шестого гудка.

— Хочешь поговорить о Господе нашем и чудесном спасении избранных?

Леонид поморщился, как от зубной боли.

— Динка, ну не надо! Ты же знаешь, мне без тебя плохо. Просто хочу поговорить.

— О чём? О религии добра и света?

— Не надо, пожалуйста. Мне очень плохо. Во мне копится злость...

— А, так вот в чём дело! — перебила Динка. — Тогда вперёд, рецепт ты знаешь. И всё нужное у тебя под рукой — и Вера, и Надежда, и Любовь!

Леонид замолчал. Он ждал, что Динка сейчас отключится, но она оставалась на линии, продолжая дышать в микрофон. Леонид ухватился за этот шанс.

— Дин, почему ты со мной так?

— А как надо? Я же не знаю, до какой степени тебе промыли мозг в вашей секте.

— Это не секта. У нас скорее философское общество.

— Философское общество, где на встречах целуются взасос? Ты сам-то себя сейчас слышишь?

— Согласен, это не совсем обычно. Но почему сразу секта?

Динка фыркнула в трубку.

— Утиный тест. «Если что-то выглядит как утка, плавает как утка и крякает как утка, то это, вероятно, и есть утка».

— Понятно, — вздохнул Леонид. — Дин, мне сейчас правда очень хреново. Давай ты просто выслушаешь меня без этих твоих подколок.

Динка молчала, и он продолжил:

— Я был у Горева только один раз, больше к нему не ходил. Честное слово. Но мы иногда встречаемся. В парке, если тебя это интересует. Он говорит очень убедительно, и я ему верю. А потом ты говоришь убедительно, и я верю уже тебе. Но это же нелепо — так метаться. Получается игра в испорченный телефон.

— И что ты предлагаешь? — спросила Динка.

— Давай вместе сходим к Гореву. Выскажете всё друг другу в лицо, выслушаете друг друга...

— Что?! — перебила Динка. — Предлагаешь мне обменяться жидкостями с толпой сектантов?!

— Это же не обязательное условие, только по желанию.

— Так ты целовался там по собственному желанию?!

— Меня застали врасплох, я просто не был готов... — начал оправдываться Леонид. — Дин, ну ты же сама всё понимаешь.

— Ах да, забыла, я же у тебя умная!

— Да не злись ты. Пойми, это же шанс — высказать все аргументы, выслушать все возражения, ответить на них. За один раз закрыть все вопросы, все недосказанности. Разобраться, наконец, с этой нелепой ситуацией, в которой мы подвешены. А целоваться к нам никто не полезет, это я тебе обещаю.

— Я подумаю, — сказала Динка и нажала отбой.

Через два дня они встретились в парке Политеха. Горев жил рядом — в Профессорском доме, в двух шагах от центральной аллеи. Войдя в подъезд, они удивлённо переглянулись. Кто-то пел под гитару — с надрывом и лёгкой хрипотцой. Слов было не разобрать, но с каждым лестничным пролётом они звучали всё отчётливей.

— Шестидесятники! — насмешливо фыркнула Динка; но когда Леонид потянулся к звонку, придержала его руку:

— Подожди, давай дослушаем.

На площадке слова песни были слышны уже совершенно отчётливо:

*В мире мужском, где просчитано всё заранее,
где по регистрам и полочкам всё разложено,
хрупкая девочка бродит зверьком подраненным,
время для вписки такое — злое и сложное,
где её дух — на трассе ли на обочине,
это не повод для жалости или гордости,
и даже не важно чем она озабочена,
ведь время уже смывает прошлые горести.*

*Но если угадан ритм и слова подобраны
они обретают силу магии — или случая,
слова сплетают новый узор — по-доброму,
она их прочтёт — и всё у неё получится.
Она познает любовь — такую высокую,
она развязжет судьбу — такую нескладную,
слова её прорастут травою-осокою,
прольются дождём, обожгут осенней прохладою.*

Гитара умолкла, и Леонид нажал на кнопку звонка. Горев встретил гостей, провёл их в гостиную, усадил на диван. И снова прочитал свою лекцию — о ветвящихся

вселенных и проблеме выбора. На этот раз в варианте для гуманитариев, без квантовых эффектов. Динка слушала не перебивая. Когда Горев закончил, она сказала:

— Всё это уже было, и не раз. Называется «непротивление злу насилием». Но никогда ни к чему хорошему такое непротивление не приводило.

— Мы не призываем к непротивлению, — возразил Горев, — мы призываем к правильным выборам. А если правильные выборы обычно оказываются добрыми, так этому только радоваться надо. Значит, мы живём в не таком уж плохом мире.

Он прервался, чтобы глотнуть кофе, потом продолжил:

— Все возможные, в том числе и самые неудачные выборы мы всё равно сделаем — в параллельных вселенных. И там наши «я» сполна пожнут все плоды этих жутких выборов. Но это будут уже «мы-там». А «мы-здесь» постараемся сделать всё правильно. И чем лучше мы обустроим наш мир, тем больше будет удачных выборов в ближайших к нам вселенных.

— Вы же говорили о бесконечности миров, — сказала Динка, — а для бесконечности ваше «больше» не имеет смысла.

— Согласен, неудачно выразился, — кивнул Горев. — Речь тут не о числе, а о частоте. Хотя и это тоже не совсем корректно.

— Не убедили, — подвела итог Динка.

Она встала и посмотрела на Леонида.

— Пойдём, нам тут больше делать нечего.

Леонид виновато посмотрел на Горева, молча развел руками и двинулся вслед за подругой. Но секс в этот вечер у него был, и даже трижды.

А через неделю они с Динкой уже вместе делали утреннюю зарядку.

17

Рабочий день Борис решил начать с интернета. Вчерашний разговор с Костей ничего не прояснил, пришлось обратиться к голосовому помощнику. Алгоритм тут же выдал бесконечный ряд ссылок. Внимание Бориса привлек заголовок статьи о языковой мокрице — он как раз думал о влиянии паразитов на теории, религии и прочие языковые конструкты. Оказалось, что мокрица действительно влияет на язык, но только совсем иначе. Пройдя через жабры пятнистого розового луциана, она впивается в основание его языка и высасывает из него кровь. После того, как язык жертвы атрофируется, мокрица прикрепляется к мышцам культи языка и начинает выполнять его функции. Луциан использует паразита как собственный язык, не замечая разницы. Мокрица перестаёт пить кровь, питается слизью рыбы и продолжает жизнь в счастливом симбиозе.

Борис раздражённо захлопнул крышку ноутбука. Статья была не по теме, излишняя информация. Но она оставила неприятное впечатление; сама идея о замещении языка вызывала тревожные ассоциации. В таком состоянии и нашёл его Матвей.

— Привет! Я смотрю, ты приуныл. Что, тяжела шапка нового статуса?

Борис отодвинул ноутбук.

— Привет-привет! А сам-то как думаешь? Ты действительно уверен, что начальник не должен понимать, что делает его группа?

— Успокойся, у нас пока никто этого не понимает. Строят разные модели, но все они ориентированы не на изучаемый предмет, а на привычную нам систему понимания. Лет двести назад всё объяснили бы в терминах гидравлики — разность давлений, поток туда, поток сюда. Сто лет назад дали бы объяснение в терминах электроники — переключатели, реле, диоды, резисторы. Ток туда, ток сюда. А сейчас у нас компьютерный век, всё объясняем в терминах кибернетики. Красивее, привычнее... Но с пониманием всё так же тухо.

— Объясни хоть так. А то Костя попытался меня просветить — как биолог. Загрузил мозг по полной, но ясней почему-то не стало.

— Попробую — на понятном тебе языке. Представь центральную нервную систему как сеть, в которой идёт постоянный обмен сигналами. Мозг как центральный сервер, хотя

это тоже упрощение, в нём постоянно происходит внутренний обмен информацией. Вокруг вычислительные узлы, терминалы, окончные периферийные устройства. В сети действуют определенные протоколы обмена информацией. Обмен, как ты понимаешь, осуществляется между нейронами. И была бы эта система автономна — проблем бы не было. Но для прохождения сигналов между нейронами используются нейроактивные вещества — нейромедиаторы. Это слабое место сети, по нему и бьют хакеры-паразиты. Они или сами копируют эти вещества, чтобы изменить поведение носителя, или вынуждают организм производить их в нештатном режиме. Паразиты могут активировать специфические иммунные ответы, могут манипулировать секрецией гормонов, могут даже проникнуть прямо в мозг. Меняется сигнальный код организма, и заражённая жертва меняет поведение. Вплоть до суицида — если паразиту нужно именно это. Так понятнее?

Борис потёр переносицу.

— Вот теперь до меня дошло, что ты называл иллюзией понимания. Это она и есть. Как будто бы всё ясно, но стоит только задуматься... Как, например, одноклеточный паразит может считывать и перехватывать сигналы сложнейшего организма? Как он может синтезировать нейромедиаторы, на создание которых носителям потребовались миллионы лет эволюции? Он же одноклеточный! Это ты можешь объяснить?

— Не могу, — честно ответил Матвей, — и никто не может. Но на одноклеточных ты не ориентируйся, бери ниже. Управление могут перехватывать даже вирусы. Костя же рассказывал тебе про мушиный гриб? Но вряд ли он упомянул, что здоровый мушиный гриб не является паразитом. Он заражает насекомое только в том случае, если сам уже заражён своим паразитом — энтомофтирующим вирусом. Как тебе такое? И про осу-наездника Костя не мог не рассказать — это классика. Божья коровка защищает личинки осы своим телом, потому что уползти не может. Но парализующий яд выделяют не личинки, а ифлавирусы, которыми они заражены. Аруджанов по этому поводу любит Свифта цитировать:

*Натуралистами открыты
У паразитов паразиты,
И произвел переполох
Тот факт, что блохи есть у блох.
И обнаружил микроскоп,
Что на клопе бывает клоп,
Питающийся паразитом,
На нём — другой, ad infinitum.*

Борис не знал, что и сказать. В который раз повторялось одно и то же — как только в голове начинала складываться более-менее удовлетворительная схема, её тут же приходилось отбрасывать. Он беспомощно посмотрел на Матвея.

— Но с вирусами-то учёные разобрались? Они же простые; с ними-то хоть всё ясно?

— Не то чтоб разобрались, но, по крайней мере, изучили и описали. Уже целых пять тысяч.

— А сколько ещё осталось неописанных?

— Примерно сто миллионов.

Борис прикрыл глаза рукой и прошептал:

— Тут и сел старик.

На следующем совещании Аруджанов отказался от первого слова, Борис тоже решил взять паузу. О промежуточных итогах отчитался Колыванов, зам начлаба:

— Мы провели ряд лабораторных опытов с нашим споровиком, а также установили клиническое наблюдение над неофиткой из группы Горева, инфицированной девять дней

назад. Подробно с полученными результатами можно ознакомиться в групповой рассылке. Если коротко — сейчас мы уже с уверенностью можем сказать, что конечным носителем пацифика является человек. Пацифик нелетален; более того — он практически безвреден, все отклонения в пределах погрешностей. В первые дни после заражения симптомы смазаны — головная боль, небольшая температура, иногда тошнота. К сожалению, для многих сегодня это привычное состояние. Мало кто придаёт этому значение, поэтому заражение, скорее всего, будет проходить незамеченным. А через неделю пациент обрастает защитной оболочкой, и иммунная система перестаёт его замечать. После пропадания первичных симптомов самое заметное проявление заражения — повышение уровня гамма-аминомасляной кислоты, что делает носителей спокойнее и благодушнее. Возможно, немного медленнее; но это ни для кого не представляет угрозы, разве что для гонщиков «Формулы-1». То есть никаких видимых проблем для человека пациент не создаёт. Видимо, его предок избрал людей конечными носителями очень давно. Долго приспособлялся, оставаясь незамеченным, и сумел, наконец, идеально притереться к нам. Я считаю, что это очень удачное партнёрство; если бы пацифика не было, его стоило бы создать искусственно.

— Ты намекаешь, что его стоит распространить? — спросил Матвей. — Выпустить джинна из бутылки?

Колыванов рубанул рукой воздух.

— Оглянитесь вокруг! Третья мировая на пороге! А тут нам такой подарок судьбы. Надо выйти на руководство — пусть дадут этому Гореву канал на телевидении, какой-нибудь спортивно-концертный комплекс для встреч с последователями. Тогда его религия добра в момент разлетится по всему миру — сначала как чистый мем, а потом и как биомем. Сейчас пациент замкнут в закрытой группе. Концепцию мультивселенной принимают лишь фрики; но дайте ей эфирное время, запустите вирусную рекламу, извиняюсь за каламбур. Да это лучшее, на что сегодня может рассчитывать человечество!

— Вадим, а ты сам-то готов заразиться? — спросил Матвей.

Колыванов замялся.

— Кто-то ведь должен контролировать процесс. Кто-то с соответствующей профессиональной подготовкой...

— Ясно, можешь не продолжать, — отрезал Матвей.

— Но мы не можем упустить такой шанс... — снова начал Колыванов.

— Вадим, не пори ерунды! — С места встала сухонькая старушка в потёртых джинсах и клетчатой рубашке с короткими рукавами. — И ты, Матвей — кого ты слушаешь! Вы что, все тут с ума посходили?! Речь идёт о малоизученном паразите, предположительно влияющем на сознание человека! Мы его, конечно, сохраним и будем изучать; но вспышку заболевания надо купировать, пока не поздно. Нам ещё очень повезло, что заболевание локализовано; но паразит в любой момент может вырваться наружу. Я считаю, что всю группу Горева надо немедленно отправить на карантин. Если вы со мной не согласны, я выйду на руководство и буду настаивать на своём решении.

— Карантин? — спросил Матвей. — Варвара Петровна, как вы себе это представляете? Вызвать конвой и погрузить людей в теплушки?

Старушка пожала плечами.

— Как всегда делали. Объявим, что группа получила грант от Международного философского общества, что им сняли на выходные дом отдыха в области. Проживание и питание бесплатно, ожидаются гости из других стран. Автобус от дома Горева. Прибегут как миленькие! Это же для них шанс встретиться, наконец, всем вместе.

— А если кто-то не прибежит? — продолжал допытываться Матвей.

— Доставим принудительно.

— А потом?

— Потом классика — для начала хлоридин и что-нибудь из сульфаниламидов, а дальше посмотрим.

— Жёстко, — сказал Матвей.

— Ничего, — ответила Варвара Петровна, — они антиковидные прививки проглотили и не пикнули. И сейчас никуда не денутся.

Борис кашлянул.

— Простите, Варвара Петровна, я должен был сказать раньше. Но мне надо было узнать мнение учёных. Короче, вводить карантин уже поздно — пацифик распространился гораздо шире, чем мы предполагали.

Старушка вскинула голову.

— Борис, ты-то откуда можешь это знать? Ты ведь даже не биолог.

— Я проверил. Сегодня пришли результаты анализов.

Матвей удивлённо поднял брови.

— Объяснись, пожалуйста.

— Не делай вид, что удивлён, — сказал Борис. — Никто же из нас всерьёз не верил, что столь специализированный паразит мог существовать в небольшой замкнутой группе. Проблема была в том, чтобы найти его. Биологи не знали как — не проверять же всех подряд.

— А ты знал?

— А я и не искал паразита, я искал сопровождающий его мем. Нашёл группу ВКонтакте — «Мультиверс», почти девяносто подписчиков. Вчера взяли анализы у трёх наших земляков — все инфицированы. Также я проверил видео с монстрации — шестеро из марширующих в колонне не входят в группу Горева. Двое уже опознаны и проверены. Тоже инфицированы, принадлежность к какой-либо группе выясняется. Судя по соцсетям, взгляды у всех примерно одинаковы.

— Соответствуют названию нашего паразита? — спросил Матвей.

— А ты сомневался? — ответил Борис вопросом на вопрос.

19

Оля встретила Бориса в прихожей. Как всегда, она была верна себе — никакой косметики и минимум одежды: скромные трусики и футболка, под которой ничего не было. Пышные каштановые волосы собраны в небрежный хвост, перехваченный чёрной резинкой. Образ, который Борис про себя называл предкоитальным. Но не вслух, конечно.

Борис обнял девушку, прижал к себе. Слегка отстранился, чтоб заглянуть в глаза.

— Оля, Олик, Оленька...

Он взял её лицо в ладони, гладил скулы, шею, ключицы; как будто случайно прикоснулся к упругому соску. Провёл руками по спине, подхватил под ягодицы, слегка приподнял. Оля с готовностью повисла на нём, скрестив руки на его шее, а ноги на пояснице. Борис занёс её в комнату и положил на кровать.

— Может, сходишь в душ? — спросила Оля.

— Неа.

Оля не стала спорить. Они жили вместе уже давно, но этим летом Оля работала в лагере с одарёнными детьми. В таком режиме они могли встречаться лишь дважды в неделю. Идеальный гостевой брак, когда секс не успевает наскучить, а на ссоры времени просто не остаётся.

Одежда полетела на пол, и начался волшебный танец прелюдии, когда прикосновения ещё почти неощущимы, но кожа уже чутко отзывается на каждое. Ещё, ещё, сильнее — и вот уже запылали эрогенные зоны. Заострились соски, увлажненная вагина, тела напряглись в предвкушении слияния. А потом осторожный заход и сдерживание, сдерживание — пока это ещё возможно. Но нет, уже невозможно; плавный ритм рывком перешёл в бешеную скачку, а дальше тело начало действовать уже совершенно независимо. И прощай, контроль; не надо даже пытаться что-то менять — просто влететь на этом вихре в обещанный гормональный взрыв и упиться нахлынувшим наслаждением.

Когда природа получила своё, Борис перекатился набок, не сводя глаз с Оли и не убирая ладонь с её груди. Девушка провела пальцами по его лицу, взъерошила коротко стриженный каштановый ёжик.

— Спасибо.

— Тебе спасибо. Ты волшебная!

Оля улыбнулась и плотней прижалась к Борису.

— Ты сегодня какой-то напряжённый. У тебя проблемы?

— От тебя ничего не скроешь, — ответил Борис.

Оля села на кровати, завернувшись в одеяло.

— Что-нибудь серьёзное?

— Боюсь, что да. Скажи, ты бы хотела быть счастливой?

— Я и так самая счастливая. Разве не заметно?

— Заметно, — согласился Борис, — но я не об этом. Ты бы хотела быть счастливой всегда, без остановки?

— Ты предлагаешь попробовать вещества? — нахмурилась Оля.

— Нет, конечно. Организм сам будет производить все нужные гормоны.

— А в чём подвох?

— Командовать этим парадом будут паразиты. Люди будут просто получателями счастья.

— Фу, какое мерзкое слово! — Оля наморщила носик. — Ненавижу паразитов! А ещё не люблю, когда говорят загадками. Давай лучше подробно и по порядку.

Борис сел рядом и обнял её.

— Есть группа счастливых людей, желающих осчастливить весь мир. Они за всё хорошее и против всего плохого, их этические взгляды практически не отличаются от твоих. Творить добро и не пропускать зло в нашу Вселенную. Они умные, многие разбираются в квантовой механике — их идеология построена именно на ней. Согласно их доктрине, существует бесконечное множество параллельных вселенных, и каждый наш выбор порождает множество новых. Вселенные ветвятся в зависимости от наших выборов. Эти люди называют себя стрелочниками; они считают, что их добрые выборы способны удержать нашу Вселенную на правильном пути.

— Рада за них, — сказала Оля, — а при чём тут паразиты?

— Понимаешь, эти люди счастливы, они живут в гармонии с собой и со всем миром. Они практически получили свой райский сад. А в райском саду есть только одна проблема.

— Свобода воли? — догадалась Оля.

— Именно. Они ведь искренне верят в свою теорию. Или в свою религию — у нас многие считают, что это уже готовая религия. Но я не могу понять, насколько эта вера обусловлена личным выбором людей и насколько — влиянием одноклеточного паразита. Судя по всему, он управляет поведением заражённых и, возможно, даже их сознанием; правда, неясно, в какой степени. Кстати, наши уже придумали ему название — «пацифик».

Оля посмотрела на Бориса с удивлением.

— Боб, ты это серьёзно? Как такое возможно? Простейшее одноклеточное — и квантовая теория?

Борис пожал плечами.

— С паразитами вообще почти ничего не понятно. Ты думаешь, человеку создать теорию труднее, чем муравью пойти против своих инстинктов? А это, между прочим, ведёт его к смерти — то есть паразит отключает у муравья даже инстинкт самосохранения. Учёные говорят о гамма-какой-то-там-кислоте, тормозящей прохождение сигналов между нейронами, но как это работает, никто не понимает. В смысле, как эта биохимия приводит людей к конкретным ритуалам и общему мировоззрению.

— А что теперь будет с этими людьми? — спросила Оля.

— Не знаю. Одни предлагают лечить их. Если примут такое решение, это будет жёсткий процесс. Другие хотят оставить их в покое, пусть и дальше наслаждаются своим счастьем. Вреда от них нет, скорее наоборот. А некоторые даже считают, что пацифика надо распространить как можно шире — тогда наш мир станет лучше.

— Вот этих я бы направила на анализы, — заметила Оля, — они явно действуют в интересах паразита. Если, конечно, он такой продвинутый, как ты говоришь.

— Интересная мысль, — сказал Борис, — а как бы ты поступила с заражёнными, если бы решение было за тобой?

— Почему за мной? А их самих ты разве не хочешь спросить? Учесть их свободу воли?

— В этом-то и проблема! Я не уверен, что сейчас у них есть свобода воли. Я догадываюсь, что они скажут; но как узнать, они ли это будут говорить, или управляющий ими паразит? Вот вылечатся — тогда и можно будет их спрашивать.

— Понятно, — сказала Оля. — Я, конечно, за всё хорошее и против всего плохого. За уменьшение зла в одной отдельно взятой Вселенной. Стрелочник мне друг; и всё же свобода воли дороже.

— А как же добро? — спросил Борис. — Стрелочников уже довольно много, ты и сама могла заметить, как пацифистские движения набирают силу. Если всех вылечить, количество добра в мире заметно уменьшится.

— И пусть. Зато это будет не навязанное добро, а выбранное лично каждым.

— Не каждым, — поправил Борис. — Не каждый в итоге выберет добро. Подозреваю, что многие выберут совсем иное.

— Ну что ж, — сказала Оля, — значит, такова цена свободы воли.

20

Борис перехватил Костя в коридоре.

— Ты помнишь, вчера Колыванов говорил про биомем? Можешь объяснить мне, что это такое?

— А ты не знаешь? — удивился Костя. — Сам же сказал, что искал инфицированных по мему, сцепленному с паразитом. Вот эта сцепка и есть биомем. Симбиоз биологического паразита с информационным мемом.

— Я просто хотел проверить свою догадку. Сам не ожидал, что она подтвердится так быстро.

— Значит, всё-таки не понял, — сказал Костя. — Биомем — это жёсткая сцепка, заражение непременно должно сопровождаться соответствующими ритуалами и идеологией. Ритуалы обеспечивают распространение паразита, а идеология — безопасность носителей.

— Ты хочешь сказать, что сегодня пацифизм — самая выгодная стратегия поведения? — спросил Борис.

— Видимо, так, — ответил Костя. — Именно это меня и напрягает.

— Почему?

— А ты не догадываешься? Есть математические модели успешности стратегий поведения в популяции. И для «голубей», и для «ястребов». Эти модели предполагают, что существует точка равновесия — определённое процентное соотношение, при котором обе стратегии одинаково успешны. Но как только равновесие нарушается, как только количество «голубей» или «ястребов» превышает оптимальный процент, их успешность сразу же падает. У ос это проявляется особенно наглядно, у них есть две стратегии — строить норки для личинок или захватывать чужие. Процент строителей и захватчиков постоянно колеблется вокруг оптимума, это идеальный пример природной обратной связи.

— То есть, как только пацифик распространится достаточно широко, его стратегия перестанет быть успешной? — спросил Борис.

— Я боюсь делать какие-то прогнозы, — честно признался Костя. — Пока что наш паразит распространяется как биомем вместе с сопутствующей идеологией. Возможно, эта

связь уже достаточно жёсткая и она сохранится даже после того, как стратегия поведения перестанет быть успешной. А если нет? Если паразит перестроится, ориентируясь на успешность? Мы ведь даже не знаем, в какой степени у стрелочников сохранилась свобода воли. Это сейчас они белые и пушистые. А представляешь армию агрессивных зомби, подчиняющихся чужой воле?

Борис вспомнил, как маршировали стрелочники на монстрации, и поёжился.

— По-твоему, пацифик — оружие? И чьё же? Думаешь, колонии одноклеточных могут обладать коллективным разумом, способным на целенаправленные действия? Или некая высшая биораса сделала Землю лабораторией для создания и отладки биороботов из подручного материала?

Костя присвистнул.

— Матвей как-то говорил, что некоторая паранояльность — часть твоей профессиональной подготовки. Но я не думал, что настолько... Нет, теория заговора здесь ни при чём. Просто все паразиты так выживают. Эволюционное преимущество получит тот, кто заставит людей выполнять ритуалы, распространяющие инфекцию. Целовать мощи, причащаться из одной посуды, омываться святой водой Ганга, кишащей всякой заразой. Труднее вспомнить ритуал, который не способствует распространению, чем наоборот.

21

Слова Оли не выходили у Бориса из головы. Действительно, если можно говорить об интересах паразита, то Колыванов представлял именно эти интересы. Борис предложил Матвею проверить всех членов группы; он думал, что придётся спорить и доказывать необходимость такой проверки, но Матвей согласился сразу. Видимо, и у него были какие-то сомнения на этот счёт.

Результаты тестов подтвердили худшие опасения. Выяснилось, что в группе уже двое заражённых — Колыванов и Юля, юная практиканка. Ситуация изменилась и требовала неотложной реакции. Матвей собрал всех в конференц-зале на экстренное совещание. Первой взяла слово Варвара Петровна:

— Мы обязаны немедленно изолировать инфицированных и начать оперативное лечение. Прямо здесь, в институте; у нас есть для этого всё необходимое. Боксы готовы к приёму больных, персонал я проинструктирую.

Колыванов вскочил с места.

— Постойте! А меня кто-то спросил, хочу ли я лечиться?

— Ты же болен, — сказал Костя, показывая на настенный экран, — вот результаты теста.

— Это спорный вывод! — возразил Колыванов. — По мне, так это не болезнь отдельных людей, а лекарство для всего человечества!

— Вадим, это в тебе говорит паразит! — сказала Варвара Петровна, — Уничтожим его, а потом послушаем тебя — настоящего. Уверена, что тогда ты заговоришь по-другому.

— Не позволю! — взвизгнул Колыванов. — Тело человека неприкоснувшись!

Читайте Нюрнбергский кодекс! Всеобщую декларацию о биоэтике и правах человека!

— Надо же, — усмехнулся Матвей, — какой продвинутый гражданин! А помнишь, когда ты в своём антиковидном блоге призывал к принудительной вакцинации, тебе ведь именно это и писали. Что ты тогда отвечал?

— Это другое! Антиваксеры — убийцы, с ними нельзя было церемониться! А пацифик — панацея, шанс человечества на спасение. Я не дам согласия на лечение, что бы вы мне тут ни говорили.

По залу пронёсся возмущённый гул. Борис встал и постучал по столу, призывая к тишине.

— Хорошо, с паразитом закончили. Давай поговорим о меме. Ты же знаком с теорией Горева?

Колыванов кивнул.

— Ты разделяешь его взгляды?

— Целиком и полностью. Горев — настоящий гений! Причём гений, пришедший в нужное время.

— Нет бога, кроме пацифика, и Горев — пророк его, — прошептал Костя.

Борис не обратил на него внимания и продолжал:

— Если ты действительно уверен в силе своей веры, давай проверим её на крепость. Уберём из уравнения паразита и посмотрим, изменятся ли твои убеждения. Согласись, если вера истинна, ей ничто не будет угрожать. Ты готов к такой проверке?

— Нет! Я вижу вас нас kvозь — говорите, что хотите помочь, а сами хотите уничтожить лучшее, что есть во мне! Я не дам согласия, это моё последнее слово!

— Понятно, — Борис повернулся к Юле. — А ты что скажешь?

— Я как Вадик, — чуть слышно ответила она.

— Юля! — удивлённо воскликнула Варвара Петровна. — Ты что, с Колывановым? Девушка вспыхнула.

— Варвара Петровна! Как вам не стыдно!

— Вот видите, — сказала старушка, — если их не изолировать, этот Казанова будет трахаться, как кролик, заселяя паразита в каждое встречное влагалище. А поскольку пацифик, ко всему прочему, повышает и уровень тестостерона, шансы на успех у него высокие.

— Я вас понимаю, — возразил Матвей, — но мы не можем лечить больных без их согласия. Мы не можем даже запретить распространение паразита, пока не принят соответствующий закон. Это же не СПИД и не сифилис.

— Это хуже! — сказала Варвара Петровна.

— Вы ничего не понимаете! — возразил Колыванов. — Это семена добра! Они разлетаются по всему миру, и вы уже ничего не сможете с этим сделать!

— И этот человек заставлял нас носить маски! — сказал Костя. — Да ещё санитайзером обтираясь после каждого перекура. Доносы писал.

— Это совсем другое! — Колыванов с грохотом отодвинул стул и вышел из зала. Юля выбежала вслед за ним.

22

В первый момент поведение Колыванова удивило Бориса. Но он тут же сообразил, что это было единственное возможное поведение в интересах паразита. И, скорее всего, именно так поступят и все остальные заражённые. Борис поделился своими мыслями с Матвеем и предложил:

— Может, нам стоит поговорить с Горевым? Он автор культа и истинный фанат своей веры, он в своих доктринах точно не сомневается. Попробуем взять его на слабо, предложить избавиться от паразита. Как думаешь — сработает?

Матвей помотал головой.

— Нет. Мы же только что видели силу паразита, овладевшего человеком. А на Горева, кроме того, ещё и мем работает. У него от этой болезни масса вторичных выгод. Он сейчас гуру, к нему люди приходят и буквально в рот смотрят. И у него уже тысячи последователей по всей стране. Или десятки? Сотни тысяч? Никто даже не знает, сколько у нас инфицированных. Потенциально Горев — основатель новой мировой религии. Религии добра, между прочим. А ты хочешь предложить ему отказаться от всего этого. Ради чего? Даже не пытайся, только карты раньше времени раскроишь.

— То есть это тупик? — спросил Борис. — Чтобы создать лекарство, нужен больной, готовый лечиться. Но где взять такого, если один из симптомов болезни — отказ от лечения?

— Возможно, только запущенной болезни, — предположил Матвей. — Возможно, на начальных стадиях, пока в мозгу не появились цисты, человека ещё можно в чём-то убедить. Что ты рассказывал про новеньского в группе Горева?

— Про Леонида? У него срок — недели три, у его девушки ещё меньше. Можно попробовать. Позовём их к нам? Или лучше мы к ним?

— Вот так, в лоб не хотелось бы. Давай сделаем по-другому. Сейчас в передвижном театре идёт неплохая постановка из двух актов. Леонид выиграет в инете два билета с курьерской доставкой, у вас с Олей будут соседние места. В антракте познакомитесь, поговоришь, прощупаешь почву. Дальше по обстановке. Справитесь?

— Легко, — ответил Борис.

Познакомиться действительно удалось легко, Оля с Динкой быстро нашли общий язык. После представления Борис предложил продолжить вечер в кафе, никто не стал возражать. Всё получилось как-то само собой — вино, лёгкие закуски, непринуждённая беседа. После нескольких тостов глаза девушек засияли, мужчины расслабились. Борис поднял очередной бокал.

— А знаете, ведь у меня сегодня день рождения! Девушки могут поцеловать новорождённого.

Оля встала и ткнулась губами в уголок его рта. Динка тоже потянулась к нему, но Борис отстранился.

— Что ты, я пошутил! Олик же потом убьёт нас обоих!

— Какие шутки! — отозвалась Оля. — Тебя-то я точно убью!

Когда вторая бутылка опустела, Леонид предложил:

— Может, возьмём что-нибудь посырьёзнее?

— Не стоит, — ответил Борис, — давайте лучше по кофе. И поговорим серьёзно.

Он рассказал новым друзьям, что видел их последние анализы. Рассказал о недавно открытом, ещё практически неизученном споровике-паразите. Предложил анонимное лечение в закрытом институте. Борис старался не говорить лишнего и при этом быть убедительным, но сам понимал, что получается это неважно. Когда он закончил, Динка резко скомкала салфетку и бросила её в пустую тарелку.

— Так вы всё это специально подстроили?! И вы хотите, чтобы мы после этого вам верили?!

— Успокойся, пожалуйста, — Леонид задумчиво повертел в руках пустой бокал. — Сама же видишь, они в тупике, не знают, что делать. И наверняка кучу инструкций нарушили, рассказав нам всё.

— Надеюсь на вашу сдержанность, — вставил Борис.

Леонид посмотрел на него.

— Так говоришь, последствия минимальны?

Борис кивнул.

— Тогда мой ответ — нет, — сказал Леонид, — я не чувствую никакого внутреннего запрета, никакого управляющего голоса, если тебя это интересует. Просто в последние недели у нас пошёл какой-то невозможный, волшебный секс; в юности такого не было. Не по частоте, а по качеству. Я всё не мог понять, с чем же это связано. Оказывается, споровик. Ну споровик так споровик; я не готов отказаться от новых ощущений и вернуться к старым. Буду болеть, раз это так приятно.

— А ты? — спросил Борис Динку.

— Пожалуй, присоединюсь к Лёне.

— Печально, — сказала Оля, — но всё равно, рада была с вами познакомиться. Ну что ж, давайте прощаться.

Она обняла Динку и вдруг, прильнув к ней, поцеловала в губы.

— Что тытворишь?! — Борис резко отшвырнул Олю, но было уже поздно.

— Зачем, ну зачем... — повторял он, не находя слов.

— Другого способа всё равно не было, — спокойно ответила Оля. — Ты же видишь — все заражённые отказываются от лечения. Паразит им это запрещает. Так что мы сейчас поедем в институт, и я подпишу там все бумаги с согласием на лечение. Настоящая я, в здравом уме и трезвой памяти. А если потом откажусь, это не будет считаться, это буду

уже не совсем я. Понимаешь? Лекарство обязательно надо найти, а без меня вам не справиться.

Борис стоял, не в силах вымолвить ни слова.

— Ну, подруга, ты даёшь! — сказала Динка.

Потом повернулась к Борису:

— А ты дурак, раз такое допустил. Мог ведь догадаться! И почему дуракам так везёт в любви? Держись за неё руками и зубами, второй такой точно не найдёшь.

23

Матвей, узнав обо всём, изменился в лице.

— Идиот! Как ты мог?! Да лучше б ты сам трахнул их обоих!

Борис молчал, закусив губу.

— Полегче, Матвей, — вмешалась Оля. — Вот это точно было бы не лучше.

Лицо Матвея скривилось.

— А ты-то зачем полезла в это дерымо?!

— Вам же нужно проследить за ходом болезни, — ответила Оля, — и лучше с самого начала. Создать лекарство, испытать его на ком-то. Так вот, этот «кто-то» — это я.

— Ты не понимаешь, — устало сказал Матвей, — все, за кем мы наблюдали — не самые хорошие люди. Каждый со своими тараканами. Болезнь сработала как переключатель, переключив их на добро; для окружающих они стали даже удобнее. Но ты-то природный эмпат, тебя просто некуда переключать! Ты и так добрая, дальше некуда! Я даже представить не могу, что будет, когда на тебя наложится воля паразита.

— Я буду вести дневник, — пообещала Оля.

Она подписала согласие на лечение, и в тот же вечер её поместили в отдельный бокс при институтской клинике.

Утром Борис заглянул к Матвею.

— Я к Оле. Надеюсь, у нас ничего срочного?

— Иди, конечно. Только постарайся её не волновать, отнесись ко всему спокойнее.

— Ты о чём?

Матвей замялся.

— Видишь ли, я велел переодеть её. И ограничить доступ к её боксу.

— Почему?

— Она... Как бы это сказать поточнее... Соблазняет.

— Что?! — Борис не поверил ушам.

— Нет, не подумай, она не говорит и не делает ничего такого. Просто сидит там и... Не знаю даже, как это назвать. Сидит и источает феромоны, что ли... Короче, с ней теперь будет работать только Варвара. Ну и ты, конечно.

Не дослушав, Борис рванулся к выходу. Через несколько минут он уже стоял у дверей бокса, стараясь успокоить дыхание. Оля сидела в кресле перед ноутбуком. На ней была серая мешковатая пижама, застёгнутая у горла. Пижама была ей велика, так что очертания фигуры под ней даже не угадывались. Волосы были собраны в скромный хвост, открывая тонкую беззащитную шею. И в этой шейке было столько эротики, что даже будь Оля совершенно голой, эффект вряд ли мог быть сильней. Борис понял, о чём говорил Матвей.

— Привет! — сказал он.

Оля обернулась на его слова и просияла.

— Привет!

Она развела руки, демонстрируя свою сиротскую пижаму.

— Вот. Теперь я такая.

Борис улыбнулся.

— Это Матвей специально придумал, чтоб я меньше тебя ревновал. Но не сработало.

Он сел в кресло рядом с Олей.

— Чем занимаешься?

Она показала рукой на экран.

— Пытаюсь постичь азы квантовой механики. Вчера прочла всё, что нашла по теории Горева, теперь хочу закрыть пробелы в знаниях.

— И как тебе теория? — осторожно спросил Борис. — Зашла?

— Как перчатка. Как будто я сама это написала. Не про физику, конечно, а про выборы и стрелки. Боря, это уже паразит?

— Не знаю, — честно ответил Борис, — будь ты хотя бы чуточку постервознее, тогда было бы понятно. Но ты такая, как есть. Матвей прав — тебя просто некуда переключать.

24

Всю неделю Борис не находил себе места. Он то часами просиживал в Олином боксе, то вдруг срывался и намертво цеплялся к Варваре Петровне, выпытывая у неё то, чего она сама ещё не знала. Пытался приставать и к Аруджанову, но тот только отрыгнулся:

— Хочешь поговорить об изменении экспрессии рецепторов к гамма-аминомасляной кислоте? Нет? Вот и не морочь мне голову, занимайся своими делами.

В конце концов Борис поймал Варвару Петровну в её кабинете. Сел в кресло напротив и заявил:

— Варвара Петровна, я никуда не уйду, пока мы не поговорим.

Старушка улыбнулась и поправила очки.

— Спрашивай. Что тебя интересует?

— Скажите, Оля действительно больна?

— Да, к сожалению. Самого паразита я ещё не нашла, но он в ней, это точно.

Организм уже начал вырабатывать антитела — вот они, родненькие.

Варвара Петровна вывела на монитор результаты анализов и повернула его экраном к Борису.

— И вы её уже лечите?

— Конечно. Назначила ей курс таблеток и инъекций, вот смотри, — она вывела на экран страницу с рецептами. — Но тебе ведь эти названия ни о чём не говорят?

— Нет, — Борис помотал головой, — а вы её вылечите?

— Я здесь именно для этого.

— А когда примерно?

— Курс рассчитан на две недели, максимум на три. Если ничего не случится.

— А что может случиться? — напрягся Борис.

Варвара Петровна строго посмотрела на него.

— Не нагнетай. Пациентке твой мандраж совсем ни к чему. Верь в успех и излучай уверенность — вот что ей сейчас нужно.

Борис улыбнулся жалкой вымученной улыбкой.

— Мне так много надо узнать. Но я не знаю, о чём ещё спросить.

Варвара Петровна улыбнулась в ответ.

— Тогда спрошу я. Скажи, тебе удалось проверить вашу теорию о биомеме? Как Ольга отнеслась к идеям Горева? Религия мультиверса изменила её мировоззрение?

— Нет, разве что упорядочила. Оля всегда такой и была, ей нечего было менять.

— Странно, — сказала Варвара Петровна, — обычно худые и красивые — те ещё стервы.

— Значит, Оля исключение, — сухо сказал Борис.

— Если так, тебе повезло. Но тогда ваша теория не продвинулась ни на шаг. Жертва была напрасной — пациентка не может ни подтвердить, ни опровергнуть ваши тезисы.

— Пожалуйста, не называйте Олю пациенткой, — попросил Борис. — Она моя девушка, и у неё есть имя.

25

Борис выпил стакан воды, наполнил его снова и отставил в сторону. Потом достал телефон и набрал номер Матвея.

— Жду тебя у Варвары Петровны. Это срочно.

— А что случилось?

— Оля отказывается от госпитализации.

— Сейчас буду.

Через несколько минут Матвей уже сидел в кабинете Варвары Петровны.

— Рассказывай. Что сказала Оля?

— Что она уже не хочет лечиться. Хочет подписать отказ от госпитализации, вернуться домой...

Борис запнулся.

— И там бешено трахаться с тобой, — подсказала Варвара Петровна.

Борис молча кивнул.

— Понятно, — сказал Матвей, — а теперь давай всё с самого начала. И поподробнее. Приняла она религию мультиверса?

— Скорее теорию, — поправил Борис, — хотя, какая разница. Приняла, конечно. Но она бы в неё поверила и без заражения, сам же знаешь. Хуже другое — она её не только приняла, но и доработала. С учётом новых знаний о паразите. У неё был интернет, и была масса свободного времени — вот она и начиталась всяких странных теорий. Я должен был проводить с ней всё время, а я, дурак, всё метался, непонятно зачем...

— Прекрати! — оборвал его Матвей. — Давай конкретнее, что она тебе сказала?

Борис схватил стакан с водой и сделал большой глоток, лязгнув зубами о стекло.

— Оля считает, что и религия Горева, и всё его пацифистское движение — это расширенный фенотип генов пацифика. Этот фенотип помогает ему распространяться — и весьма успешно. Но результаты его деятельности таковы, что мы уже не можем считать пацифика паразитом. Теперь он стал нашим симбионтом; мы предоставляем ему всё необходимое жизнеобеспечение, а он нам — защиту от Третьей мировой. И даже больше — защиту от зла в самом широком смысле. Оля сказала, что человек и пацифик станут единым организмом и будут взаимодействовать согласно религии мультиверса. То есть как предписывает расширенный фенотип.

— Колыванов подписался бы под каждым словом, — вставила Варвара Петровна.

— Верно, — согласился Борис. — А в конце Оля даже заговорила о мутуализме.

Знаете, что это такое?

— Симбиоз, без которого уже никак, — ответил Матвей, — жизненно необходимый.

— Вот-вот, — подтвердил Борис, — а это уже полная капитуляция перед паразитом. Я не знал, что и сказать, начал говорить о социальных стратегиях...

— О чём? — спросил Матвей.

— О социальных стратегиях, это Костя меня недавно просветил. В каждой социальной популяции, грубо говоря, действуют две стратегии — «голуби» и «ястребы». Одни ось роют норки и таскают туда парализованных кузнецов, другие выгоняют хозяев и захватывают чужие норки. Чтобы обе стратегии были успешны, в популяции должно соблюдаться определённое процентное соотношение тех и других. Если приверженцев какой-то стратегии станет больше, эта стратегия перестанет быть выгодной. Я сказал, что сегодня быть пацифистом — социально выгодная позиция, именно поэтому паразит её и выбрал. А когда он распространится достаточно широко, позиция станет невыгодной — и как он тогда отреагирует? Но Оля перебила меня, сказала, что это чушь, что пациент жёстко сцеплен со своим мемом. Что глупо даже сравнивать поведение высокоразвитых социальных животных и стратегию генов одноклеточного, это совсем другое.

— Вообще-то, она права, — заметил Матвей. — При перекосе в соотношении социальных стратегий обратная связь действует очень оперативно. Но для

фенотипических эффектов время срабатывания обратной связи надо считать не в сутках, а в поколениях. А это уже совсем иная шкала.

— Я понимаю, — сказал Борис. — Но она ответила сразу, без колебаний, не раздумывая ни секунды. На мою Олю это не похоже. И потом, мне не нравится фраза «это совсем другое». Не её это слова.

Колыванов сказал именно так, — вмешалась Варвара Петровна, — хотя двух наблюдений недостаточно, чтобы считать фразу «это совсем другое» симптомом болезни.

— Варвара Петровна, давайте ближе к делу, — попросил Матвей. — Что вы предлагаете?

— Сегодня же расширю курс и назначу капельницы. Девочку надо спасать.

— Но если она отказывается от лечения, у вас же ничего не получится.

Варвара Петровна пожала плечами.

— Усыпим и введём.

— Э-э, — протянул Матвей, — а это вообще законно?

— А ты как думаешь? — усмехнулась Варвара Петровна. — Тут дело в другом. Если ваша теория о биомеме верна и мем жёстко сцеплен с паразитом, то после выздоровления Ольга не будет иметь к вам никаких претензий. Она даже будет вам благодарна. Но если теория ошибочна и жёсткой сцепки нет, тогда держитесь. Меня-то просто выпрут на пенсию; начну, наконец, с правнуками нянкаться. А вот у вас начнётся весёлая жизнь. Так как? Готовы проверить свою теорию при таких ставках?

Борис вскочил с места.

— Да мне плевать на последствия! Верните мне мою Олю!

Он отшвырнул стул и выскочил из кабинета, хлопнув дверью. Варвара Петровна посмотрела ему вслед.

— Какой резкий! Интересно, если бы его подружка была постервознее, он бы сейчас так же бесился?

26

Ночью Борис долго не мог заснуть. Включил ноутбук, зашёл на сайт Горева и в который раз просмотрел все основные материалы, начиная с манифеста. А утром заглянул к Матвею поделиться впечатлениями.

— У него там всё очень красиво представлено. Логично и гуманно, убойная связка. Я сам проникся. И даже готов принять — не как религию, конечно, а как теорию. И как способ жизни. Вот чего так не хватало современной философии — а Горев очень вовремя пришёл на это пустое место со своими ответами. Мне вчера так легко всё зашло, что, пожалуй, мне стоит ещё раз сдать кровь на анализ. Схожу к Варваре; хочу убедиться, что это сработал чистый мем, без паразита.

— Варвару сегодня лучше не отвлекать, — сказал Борис, — сходи завтра. А пока пройдись ещё раз по сайту Горева — вдруг ты что-то упустил.

Но назавтра всем стало не до анализов. Около пяти утра Борису пришёл код срочного вызова. Наскоро одевшись и сполоснув лицо, он выбежал из дома. Матвей, увидев его, даже не поздоровался.

— Где ты ходишь? Ночью на нас напали.

— Как напали? — не понял Борис.

— В прямом смысле. Оля же обещала вести дневник. Она его и вела, и выкладывала в инет. А в последних постах написала, что не хочет лечиться, но её всё никак не могут выписать.

— Ё-моё! — выругался Борис. — Как же я раньше об этом не подумал!

— Никто не подумал, — подтвердил Матвей, — урок нам на будущее. А сейчас у нас новая проблема. У стрелочников Оля уже стала живым символом, несломленной героиней. Пленённая девушка — что может быть эффективнее, тем более когда на аватарке такое милое лицико! И там ещё были её фотографии; а ты знаешь, как такой типаж действует на мужчин. Субтильная девочка — сразу хочется прикрыть и защитить.

— Знаю, — кивнул Борис.

— Вот стрелочники и пришли её освобождать. Устроили митинг у центрального входа, собрали человек двадцать с плакатами и фотографиями узницы совести. Постояли, покричали. А потом кто-то очень грамотно взломал нашу защиту, отключил свет в отделении и дистанционно вскрыл все замки. Стрелочники тут же побросали свои плакаты и попыталась прорваться в институт.

— Как прорваться? — не понял Борис. — Там же охрана. Не могли же инфицированные драться с охранниками, им бы религия не позволила. Или паразит, но точно ведь не позволили бы.

— Так и было, — подтвердил Матвей, — спасли старые дедовские методы. Пятеро охранников смогли сдержать толпу стрелочников. А боксы Варвара дополнительно запирает на свой ключ — старый, железный, такие ещё рисуют на пиктограммах. Там механические замки, их дистанционно не взломаешь.

— Повезло, — сказал Борис.

— Кстати, о взломе, — продолжил Матвей, — ты ведь тоже участвовал в разработке нашей защитной системы? Что можешь сказать?

Борис покачал головой.

— Маловероятно. Мы ограничили число попыток входа, а за три раза пароль не подберёшь. Скорее всего, свои же и слили. Надо проверить всех сотрудников института и отстранить инфицированных от работы. Пусть сидят на больничном, их же формально можно считать больными.

— Понятно, — кивнул Матвей, — сделаем. И сегодня же надо внепланово сменить все пароли, займись этим. А я договорюсь с охраной, чтобы усилили посты. Ночью стрелочники, видимо, снова придут — надо быть готовыми. Нам ещё очень повезло, что они физически не способны на насилие.

— Инфицированные неспособны, — поправил Борис.

— Что ты имеешь в виду?

— Вчерашняя неудача должна была чему-то их научить. Так что сегодня среди стрелочников наверняка будут истинноверующие — те, кто уже заражён мемом, но ещё не заражён паразитом. Религиозные фанатики. Если Оля права, они тоже входят в расширенный фенотип пацифика, давая ему эволюционные выгоды. А религиозных фанатиков легко можно переключать, ты же знаешь.

Матвей побледнел.

— Ты хочешь сказать, что теперь у Горева есть не только тысячи сторонников, но и своя армия, не ограниченная запретом на насилие?

— Не у Горева, а у пацифика. Да, думаю, нельзя исключать такой возможности.

— Приплыли, — сказал Матвей, — вот тебе, бабушка, и религия добра. Если к вечеру нам не удастся решить вопрос с Олей, придётся привлекать военизированную охрану. А это мы уже никак не сможем скрыть.

27

Выйдя из Олинного бокса, Борис направился в кабинет Варвары Петровны. Голос Матвея он услышал ещё из коридора. Тот говорил тёплым доверительным тоном, который безотказно действовал на молодых сотрудниц; но здесь явно был не тот случай.

— Варвара Петровна, поверьте, я всё понимаю. Но у нас критическая ситуация. Надо форсировать лечение.

— Флаг тебе в руки! Как ты себе это представляешь? Соберёшь вместе девять беременных женщин... Чёрт, да что ты лезешь не в своё дело! Я и так делаю всё, что могу.

— Я понимаю, — попробовал успокоить её Матвей, — но если к ночи ничего не изменится, институт, скорее всего, снова будут штурмовать. И возможно, среди нападающих будут люди, способные на насилие.

— Может, привлечь сотрудников? — предложил Борис. — Вооружить их...

— Микроскопами! — перебил его Матвей. — Боря, ты просто не представляешь, на что способны фанатики! Если в толпе будут истинноверующие, они порвут наших ботанов в клочья.

— В крайнем случае, я могу перехватить Олин блог, — сказал Борис. — Всё, что она напишет, попадёт в наше облако. Там есть несколько интеллектуальных ботов как раз для таких случаев. Они проанализируют сообщения самых активных её комментаторов, возьмут их ники и будут имитировать живое общение. От настоящих не отличишь. А в инет мы вывесим что-то вроде: «Выписалась, вышла за ворота, иду домой». Так пойдёт?

— Пойдёт, — согласился Матвей, — только не вышла, а выехала. За воротами может кто-то наблюдать. Но все машины они не отследят, их слишком много.

Варвара Петровна укоризненно посмотрела на Бориса.

— Боренька, ты хоть понимаешь, что сейчас говоришь о своей девушке? О своей любимой? Как ты после этого сможешь смотреть ей в глаза?

Борис упрямо тряхнул головой.

— Это не о ней. Это о той чужой части, от которой, я надеюсь, вы избавите мою Олю.

— Ты так твёрдо веришь в теорию биомемов? — спросила Варвара Петровна.

— А вы разве нет?

— Нет. Я верю в то, что вижу. Я вижу паразита и вижу новую религию. Но, товарищи — мухи отдельно, котлеты отдельно. Когда я была комсомолкой, нам впаривали очень похожие мемы. Счастья всем, всё во имя человека, всё для блага человека. Построим рай на Земле и так далее, практически по Гореву. Те же яйца, только без паразитов. Хотя паразитами они, конечно, были ещё теми...

— А действительно, — оживился Борис, — может, паразит и был, только тогда его никто не смог найти? Может, всё коммунистическое движение было расширенным фенотипом этого паразита?

Варвара Петровна усмехнулась.

— Ну ты загнул! Скажи ещё, что и фашизм был фенотипом какой-то его мутации.

— Почему нет? — спросил Борис.

— Кстати, интересная мысль, — подхватил Матвей. — Мы же знаем, что наш пацифик — продукт долгой эволюции, только совершенно не представляем какой. Так может, его предок и был коммунистическим паразитом? Всё по учебнику — сначала паразит агрессивен, выкашивает носителей миллионами. А потом приспосабливается, перестаёт убивать, пытается стать симбионтом.

— Логично, — сказал Борис.

— Но паразит всегда остаётся паразитом — продолжал Матвей, — помнишь, я рассказывал тебе про осу-наездника? Её личинки пожирают божью коровку изнутри, а жертва при этом продолжает охранять их от внешних опасностей. То есть мало того, что они её жрут, так они ещё и заставляют её работать их личным телохранителем. Чистейший паразитизм, симбиозом здесь и не пахнет, так?

— Так, — подтвердил Борис.

— Но вот что интересно. После того, как личинки осы покинут свою кормушку, четверть божьих коровок выживает и восстанавливается. А представь, что через сто тысяч лет личинки научатся жрать аккуратнее, пользоваться ножом и вилкой. И выживать будет не четверть, а, скажем, девяносто пять процентов божьих коровок. Тогда кто-то может сказать, что это симбиоз — оса работает санитаром популяции, отсеивая слабых и больных. Но суть-то остаётся ровно той же — жрут и заставляют себя охранять.

— Мне кажется, — возразил Борис, — это какой-то нетипичный пример. Если паразиту выгодно мирное сосуществование, он в итоге может стать симбионтом. То есть приносить своему носителю реальные выгоды. Костя рассказывал мне про рабочих муравьёв, они живут в среднем восемь-девять месяцев — если здоровы. А их сородичи, заражённые личинками ленточных червей, могут прожить больше трёх лет. Паразиту это

выгодно — чем дольше будет жить промежуточный носитель, тем больше вероятность, что он попадёт в желудок дятла, конечного носителя. Прожить несколько отмеренных сроков — чем плохо?

— С животными такое иногда получается, — согласился Матвей, — потому что у них нет свободы воли. А вот получится ли такое с людьми — зависит только от нас.

— Фантазёры! — сказала Варвара Петровна. — На словах-то у вас всё просто. Но жизнь посложнее ваших схем. Ты, Боря, всё же подумай, стоит ли тебе поступать так с матерью твоего будущего ребёнка.

— Что-о?! — выдохнул Борис.

— Чё-чё, — передразнила Варвара Петровна, — через плечо! Ольга беременна.

28

С минуту Борис глотал воздух, не в силах сказать ни слова. Наконец он смог выдавить из себя:

— Она знала об этом, когда… Когда заразилась?

Варвара Петровна вздохнула.

— И этот человек числится у нас аналитиком! Подумай сам. Или ты не в курсе циклов любимой женщины?

— А… Ну да, конечно… — Борис с трудом подбирал слова. — Скажите, а паразит может навредить нашему ребёнку?

— Паразит — нет. Он не заинтересован в сокращении своей кормовой базы. А вот лечение… Я подобрала для Ольги довольно радикальную схему; уверена, что уже через неделю мы сможем её вытащить.

— Но это убьёт ребёнка? — спросил Борис.

— Не сразу. Но девять к одному, что он проживёт не больше года. Через полтора месяца на скрининге можно будет узнать точный прогноз. Но тогда принимать решение о прерывании беременности будет уже гораздо тяжелее.

Борис упёрся локтями в стол и обхватил голову руками.

— То есть ребёнок всё же может родиться здоровым?

— Если случится чудо. Но при шансах один к девяти я бы на это не надеялась.

— И я сейчас должен принять решение — жить ему или даже не начинать?

Варвара Петровна покачала головой.

— Не ты. Вы с Ольгой.

— Нет! — вскинулся Борис. — Не впутывайте её сюда! Последние слова моей… настоящей Оли были: «Свобода воли дороже». Она сказала, что подпишет согласие на любое лечение. Что это её собственное свободное решение — пока она ещё в своём уме. А всё, что она будет говорить потом, можно не слушать — это будет говорить уже не она.

— Ты прав, — кивнула Варвара Петровна, — всё так. Но только тогда Ольга ещё не знала, что ждёт ребёнка.

29

Борис сидел, закрыв лицо руками. Ему хотелось выть, орать, громить всё вокруг — дать волю древним инстинктам. Но это не решило бы ни одной проблемы. Ни с Олей, ни с ребёнком, ни с ним самим.

— Я должен быть с ней! — сказал он наконец.

— Не дури! — возразил Матвей, — Олю мы, скорее всего, сможем вытащить. А вот вас двоих — уже не факт.

Борис затравленно посмотрел на него.

— Ты не понимаешь. Дело уже не только в ней.

— Всё я понимаю. И у меня, кажется, есть решение.

— Говори!

— Мы вынем плод, пролечим Олю, а через две недели аккуратно вернём плод на место. Варвара Петровна, это же возможно?

— В принципе, да. Во всяком случае, это уже реальный шанс.

Борис вскочил с места.

— Правда?!

— Ты думаешь, мы можем шутить такими вещами? — спросил Матвей.

— Извини! Варвара Петровна, а это не опасно? С ребёнком ничего не случится? Старушка покачала головой.

— Нет, как раз с плодом проблем быть не должно.

— А с чем должно? — напрягся Борис.

— С маткой. Понимаешь, Боря, мы не можем просто вынуть плод, это же не винчестер в твоём массиве. Потеряв его, матка сократится. Возвращать плод будет просто некуда.

— Но разве вы не можете обмануть организм? — спросил Борис. — Как-то имитировать беременность?

— К сожалению, нет.

— И что вы предлагаете?

— Изъять плод вместе с маткой. Их жизнедеятельность мы сможем обеспечить. А Ольгу я временно поддержу на препаратах.

Борис судорожно сглотнул.

— Но это же полостная операция... Это же риски... И последствия.

Варвара Петровна кивнула, соглашаясь.

— Конечно, риски. И последствия. Если вы захотите второго ребёнка, вы вряд ли сможете зачать его в акте любви — только в пробирке на моём столе. Так что? Твоё слово?

— Когда? — спросил Борис.

— Завтра же соберу свою команду, и начнём. Время не ждёт.

Матвей кашлянул.

— Простите, что перебиваю. Варвара Петровна, я так понял, у вас уже есть готовое лекарство?

— Вот это мы и проверим. Но даже если всё получится — что толку? Ты же против принудительных уколов, а добровольно больные не захотят лечиться. Тебе не лекарство нужно, а профилактическое средство.

— Но разве это не одно и то же?

— Для кратковременного эффекта — да. Для длительного — нет.

— Да, конечно, туплю, — согласился Матвей. — Варвара Петровна, скажите, что вам нужно для создания вакцины? Составьте список, и у вас всё будет.

— Лично мне — ничего. К сожалению, это не мой уровень. За вакциной к Аруджанову, пожалуйста.

Борис повернулся к Матвею.

— А Давид над этим работает?

— Естественно. Это сейчас наша главная задача. Если не успеем — пацифик захватит всё человечество.

— А если успеем?

— Тогда, скорее всего, человечество разделится на две части. И обладающие свободой воли будут в меньшинстве. Потому что большинству эта свобода никогда и не была нужна, для них это было досадное обременение нового времени. Нищие духом унаследуют мир. А знатных нас не будет слишком много.

— В смысле? — не понял Борис.

— Бродский же, — пояснил Матвей и процитировал:

*Когда-нибудь, когда не станет нас,
точнее — после нас, на нашем месте
возникнет тоже что-нибудь такое,
чему любой, кто знал нас, ужаснётся.
Но знатных нас не будет слишком много.*

— Умеешь ты нагнетать, — сказал Борис.

— Проколоть всех принудительно, и все дела! — Варвара Петровна стукнула по столу сухим кулаком. — Почему нет, с ковид-вакцинами же получилось.

— Да поймите вы, наконец — нельзя выступать за свободу воли, лишая людей свободы выбора, — возразил Матвей.

— А ты что думаешь? — спросил он Бориса.

— По-моему, мы уже проиграли. Это же будет система с односторонней проводимостью. Заражаться люди будут постоянно, а выздоравливать не будет никто. В итоге свободы воли просто не останется.

— Отставить сопли! — скомандовал Матвей. — Один раз вы уже спасли мир¹, спасёте и сейчас.

— Это была Олина заслуга, — возразил Борис. — Да и не спасли, по большому счёту. Искин же не планировал уничтожить человечество, это тоже был бы какой-то симбиоз.

— В котором людям отводилась бы пассивная роль, — сказал Матвей, — как и сейчас. Так что соберись и работай.

30

Операция прошла успешно; настала очередь терапии. Но терапия требовала времени, которого катастрофически не хватало. Поздним вечером Борис выключил компьютер и направился к стойке кофейного автомата. Там он увидел Матвея, листавшего что-то в своём планшете. Стаканчик с остывшим кофе стоял рядом с ним на стойке.

— Есть новости? — спросил Борис.

— После вчерашней проверки ещё пятерых сотрудников пришлось отправить на больничный, — ответил Матвей, — инфекция продолжает распространяться. А у тебя как? Стрелочники всё ещё ищут Олю?

— Смотри сам, — Борис протянул ему телефон.

На экране было открыто приложение «Пробки», выделенный участок полыхал красным.

— Полчаса назад я выложил пост в Олином блоге: «Еду на природу». И указал геолокацию на Приморском шоссе. Тогда этот участок был жёлто-зелёным. А сейчас — сам видишь. Похоже, стрелочники фильтруют движение по шоссе и проверяют каждую машину.

— Но это значит... — начал Матвей.

— Да. Это значит, что стрелочников уже гораздо больше, чем мы предполагали. И с каждым днём у них всё больше возможностей. Если и дальше так пойдёт, мы действительно скоро окажемся в меньшинстве. И тогда возможно всё что угодно. Я не удивлюсь, даже если теорию Горева сделают государственной религией.

— Сомневаюсь, — сказал Матвей, — это излишне. И без того каждый заражённый учитель будет ежедневно распространять мем, причём без всяких руководящих указаний, по зову сердца. Каждый журналист, артист, писатель — все инфицированные будут самоотверженно работать на паразита. А когда мем подготовит почву, объявят какой-нибудь радужный день толерантности — мальчики целуются с мальчиками, девочки с девочками. И готово, дети понесут паразита в свои семьи.

— Не обязательно радужный, — сказал Борис, — можно возродить пасхальные традиции, например. «Так поцелуемся, давай, прохожий, прости меня за чистый интерес, мы на людей становимся похожими» — чем не скрепа?

¹ Эта история описана в книге «Третий контур», третьей книге цикла «Мир /soft/total/».

— Можно и так, — согласился Матвей, — что в лоб, что по лбу. Паразиту без разницы, какими рационализациями заражённые обставят его распространение. Хоть через причастие, хоть через языческие оргии. Главное — результат.

— С другой стороны, — сказал Борис, — идеи Горева о мультиверсе распространяются в каноническом виде, практически без модификаций. Как будто пацифик каким-то образом блокировал возможность зарождения ересей, которые, по идее, должны были буйно расцвести вокруг этой религии.

— Не совсем так, — возразил Матвей, — какие-то теоретические разногласия там всё же есть. Например, одни считают, что бесконечное множество параллельных вселенных существует изначально, другие — что вселенные расщепляются в моменты выборов, порождая всё новые и новые миры.

Борис энергично махнул рукой.

— Не суть! На этическую составляющую религии эти споры не влияют. Католику же неважно, сколько ангелов уместится на острие иглы, с исполнением заповедей это никак не связано. Горев дал мультиверсовцам простую картину — множественность миров и возможность личного выбора. Всё, большего им и не надо. А физическое обоснование множественности вселенных — это интеллектуальная игра для схоластов, погоду они не делают.

Матвей согласно кивнул, и Борис продолжил:

— Но если религия канонична, то можно предположить, что и ритуал распространения в итоге станет единообразным. Одно человечество, одна Земля, одна вера. Добро пожаловать в новое средневековье! Которое, кстати, может наступить уже завтра.

— Вряд ли завтра, — возразил Матвей. — Пока у правительства не будет вакцины, у новой религии не будет господдержки. Возможно, будет даже какое-то умеренное сдерживание. Правители должны надёжно защитить собственное здоровье, не в бункерах же им сидеть. Кроме того, им нужна армия, силовики и прочие агенты насилия — тоже надёжно защищённые от инфекции. Заразить армию потенциального противника пацифилем — это был бы удар посильнее нейтронной бомбы.

Борис криво усмехнулся.

— Забавно! Мы ведь всегда считали, что в армию и в органы идут люди не самые продвинутые. А по итогу может оказаться, что только у них и останется свобода воли. Только они и останутся людьми в полном смысле слова.

— В старом смысле слова, — поправил Матвей.

31

Борис убрал телефон, выбрал капучино и приложил карту к кофейному автомату. Поднёс стаканчик к губам, обжёлся и отставил его в сторону. Потом повернулся к Матвею и продолжил прерванный разговор.

— Как ты думаешь, мы ведь не первыми обнаружили этого паразита?

— Скорее всего. Видимо, его изучают уже несколько месяцев, если не лет. И не только в нашей стране. Но вся информация закрыта. Уверен, если мы захотим опубликовать какие-то материалы по этой теме, у нас тоже ничего не получится.

— Но почему? Надо же бить в набат, мобилизовать всех на борьбу! Время же уходит, неужели никто этого не понимает?

Матвей пожал плечами.

— Видимо, мировая элита взвесила все варианты и решила, что лучше настроить нацию не на борьбу с паразитом, а на мирное сосуществование. По принципу «не сопротивляйтесь, расслабьтесь и получайте удовольствие».

— Они что, вконец охренели?

— Отнюдь. Сам подумай. Люди свободной воли неудобны любой власти. То ли дело плюшевые тушки, управлять такими — одно удовольствие.

Борис снова схватил стаканчик с кофе и снова отставил его, не сделав ни глотка.

— Но люди же должны понимать, что они теряют!

— Да ничего особо ценного для себя, мы ведь уже говорили об этом. Вспомни: «Люди убивают царя не с целью освобождения, но для того, чтобы поработить себя ещё более тяжкому игу».

— Маркузе? — спросил Борис.

— Горячо, но мимо. Отто Ранк.

— Один хрена, — махнул рукой Борис. — А мы можем хоть что-то сделать?

— Сомневаюсь. У них же такие прогрессивные лозунги — «За всё хорошее», «Твори добро», «За мир во всём мире». Кто же рискнёт выступить против этого.

— «Пис во всём писе», — повторил Борис, вспомнив лозунг первомайской монстрации.

— Именно. Теряют они самую малость, какой-то неудобный интеллектуальный аппендиц. А взамен приобретают весь набор гуманистических ценностей.

— Всё равно не понимаю! — сказал Борис. — Как можно отказаться от своей сути?

— Может, и хорошо, что не понимаешь, — ответил Матвей. — Пока остаются такие непонимающие, надежда ещё есть.

— Надежда на что?

— Не на честную борьбу, к сожалению, — вздохнул Матвей. — В инете нам и слова не дадут сказать. Выступить сейчас против паразита — значит выступить против всей пацифистской повестки; за это везде боят влёт. Приkleят ярлык мракобеса — и всё, тебя больше нет, для блогосферы ты станешь невидим. Нелицо, как Оруэлл прописал. Да и не сможем мы предложить людям повестку более привлекательную, чем религия мультиверса. На коротких дистанциях она рвёт все прочие, как Тузик грелку.

— А на длинных? — спросил Борис.

— А на длинных может оказаться, что это тупик. Что добрыми выборами вымощена дорога к деградации. Но кого когда-нибудь интересовали длинные дистанции?

Несколько минут они стояли молча. Наконец Борис допил свой кофе и спросил:

— Матвей, я не понимаю, зачем я вообще в этом проекте? Варвара работает день и ночь, Аруджанов что-то делает, я даже не пытаюсь понять что. А я только смотрю на надвигающийся мрак и ужасаюсь. Пользы от меня — как с козла молока.

Матвей улыбнулся.

— Ты всё понял правильно. Именно в этом твоя миссия — смотреть и ужасаться. Давид и Варвара выполняют свои локальные задачи; но кто-то должен видеть проблему и со стороны.

— Для этого есть ты, — возразил Борис, — ты же видишь проблему?

— Мне кажется, вижу, — ответил Матвей, — но иногда я сомневаюсь, могу ли себе доверять.

32

Вечером Варвара Петровна позвонила Борису и сказала, что лечение закончено. Захватив по пути Матвея, Борис поспешил к ней в кабинет. Выслушав рассказ о состоянии пациентки и оптимистичный прогноз, он задал мучивший его вопрос:

— Варвара Петровна, скажите, когда можно будет вернуть ребёнка?

— Видишь ли, Боря, лечение было довольно радикальным. Организм должен оправиться, а на это потребуется время.

Она хотела ещё что-то сказать, но её прервал сигнал вызова. Матвей достал телефон и, поговорив с минуту, поставил его на громкую связь.

— Повтори, пожалуйста.

— У главного входа собирается толпа, — раздался голос из динамика, — пока активных действий не предпринимают. Но толпа растёт.

— Спасибо, — сказал Матвей и нажал «отбой».

Он убрал телефон и посмотрел на Бориса.

— Ты видишь, как быстро всё меняется. Если бы Оля смогла прямо сейчас выложить в блог короткий видеоролик с сообщением о своём выздоровлении, это, скорее всего, разрядило бы обстановку. А иначе, боюсь, ночью стрелочники опять пойдут на штурм.

— Она ведь сможет? — обратился Борис к Варваре Петровне.

— Сказать несколько слов? Сможет, конечно. Но учти, она сейчас не в лучшем настроении. Организм ищет ребёнка и не находит; мы даже представить не можем, какие там сейчас гормональные сквозняки. Возможно, то, что Ольга скажет, тебе не понравится.

— А можно дать ей что-нибудь... тонизирующее? — спросил Борис. — В интересах дела?

Варвара Петровна скривила лицо в презрительной гримасе.

— Мне насрать на интересы дела! Моя работа — соблюдать интересы пациентов. А интересы дела — ваша работа. Вот и займитесь этим.

— Понятно, — сказал Борис, вставая, — идём.

Оля сидела перед выключенным ноутбуком, глядя в пустой экран. Её плечи были опущены, воротник пижамы поднят. Говоря о депрессивном настроении, Варвара Петровна ничуть не преувеличила. Бориса Оля выслушала молча, лишь изредка кивая. Также молча включила ноутбук и вошла в аккаунт. Машинально поправила волосы и начала стрим.

— Здравствуйте, мои дорогие подписчики! Я вижу, вас стало гораздо больше. Понимаю, что дело вовсе не в интересе к моей скромной персоне. Просто я, возможно, оказалась единственной, кто прошёл полный курс интересующего вас лечения. Что могу сказать по итогу. Я полностью вылечилась. Ощущения? Наверное, так чувствует себя наркоман, соскочивший с иглы. Был кайф — и весь вышел. Потеряла. Зато нашла наконец себя — настоящую. Вот теперь сижу и думаю — нужна я себе такая?

— Спасибо, — сказал Борис, закрывая крышку ноутбука, — подожди немного, я скоро вернусь.

Он вышел из бокса, чувствуя себя предателем, бросающим любимую девушку именно тогда, когда был ей так нужен. Но стрим транслировался в институтское облако, и его надо было срочно выложить в инет. Обрезав, естественно, последнюю фразу. Хотя и без неё сообщение звучало совсем не оптимистично. Но свою оперативную задачу оно должно было выполнить — удержать толпу от активных действий. А что его нельзя использовать как рекламу лечения — не велика беда. Учитывая настроения инфицированных, не сработала бы никакая реклама. Даже если бы в стриме Оля пела и ходила на руках.

Выложив запись в блог, Борис ёщё какое-то время следил за камерами внешнего наблюдения. Когда толпа у входа стала рассеиваться, он поспешил к Оле. Она сидела у стола в той же позе, только ноутбук кто-то отодвинул в сторону. Борис не рискнул присесть рядом и обнять девушку. Он сел напротив и взял в свои ладони её холодные пальцы.

— Оленёнок, что с тобой?

Оля ответила после долгой паузы.

— Я снова стала собой. Я этого хотела, это очень круто, но... Это такая горькая гордость. А ёщё недавно я чувствовала совершенно невозможное, бескрайнее единение со всеми. Это было так сладко. И вот теперь сижу тут, как будто опустошённая. И я хорошо понимаю стрелочников, которые не хотят лечиться.

Борис до боли закусил губу. Он всегда был честен с Олей, но в последние дни всё пошло не так. Он был вынужден перехватить её аккаунт, а дальше пошло-поехало, одна ложь прикрывала другую. И теперь он не понимал, что Оля знает, а чего ёщё не знает. Что можно сказать ей сейчас, а с чем лучше обождать.

— Зря ты так переживал, есть и для тебя работа.

— Слушаю.

— Три дня назад в Кремле прошло закрытое совещание на очень высоком уровне.

Есть подозрение, что там обсуждали нашу проблему. Возможно, приняли какие-то решения. Нужно узнать как можно больше об этом совещании.

— Матвей! — Борис не мог скрыть удивления. — Ты же понимаешь, что это в принципе невозможно. Не стали бы они делать таких записей. А если где-то что-то и осталось — то в спецроверенном компьютере, в изолированной сетке, в сертифицированном помещении, к которому и близко не подойти.

— Игla в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, — сказал Матвей. — Всё понимаю. Но ты всё-таки попробуй. Подойди к этому с другой стороны. Есть список участников, сорок семь человек. Они, конечно, блогов не ведут — не тот уровень. Но у каждого есть семья, родственники, коллеги, подчинённые. Надо просканировать их блоги, проверить записи, увеличить все фотографии — может, что-то случайно попадёт. Проанализировать стримы, разложить все звуки — может быть, удастся услышать что-то за кадром. Если с близкими ничего не получится — расширить круг поиска. Не мне тебя учить.

— Человеку такое не под силу, — сказал Борис. — Тут нужна нейросеть, заточенная специально под эту задачу.

— Конечно, — согласился Матвей, — но ты ведь недавно работал над чем-то подобным. Подрихтуешь немного, отладишь. Я знаю, ты справишься. У тебя всегда есть идеи.

Борис покачал головой.

— Нет, там были совсем другие задачи. Легче написать заново, чем переделать. Но одна идея у меня действительно есть.

Через час он уже стоял на площадке у квартиры Кудзу и давил кнопку звонка.

— Какие люди! — закричал Кудзу, увидев его.

Он сгрёб Бориса в охапку и с размаху хлопнул его по спине широкой ладонью. Затем отстранился, чтобы получше рассмотреть гостя.

— Какими судьбами? Что, опять надо спасать мир?

— Вроде того, — ответил Борис.

— И что сейчас?

— Теория заговора. Всё как ты любишь.

— О! — оживился Кудзу. — Если надо потрясти жирных ублюдков, то я всегда в деле!

Он сунул Борису свою ладонь, и тот машинально пожал её. С их последней встречи Кудзу постарел ещё больше, щетина на его скулах поседела почти полностью. Борис кратко пересказал ему всё, что знал о пацифика.

— И что, — спросил Кудзу, — это сейчас везде так?

— По всему миру, — подтвердил Борис. — Мем ещё не до конца оформленся, пробует себя в различных мультикультурных течениях. Но религия мультиверса постепенно подбирает их под себя.

— Прикольно! — сказал Кудзу. — Знаешь, я думаю, мутации на понижение агрессии случались нередко. Но они тут же отбраковывались естественным отбором — ибо без агрессии обычно нет и пенетрации. А тут наоборот, надо же! Воистину, если паразит — то паразит во всём.

Борис недовольно поморщился.

— Так бывает. Та же токсоплазма повышает уровень тестостерона у мышей-самцов. Они становятся сексуально привлекательнее для самок и заражают их прямо во время случки. Паразиты очень изобретательны. Но мы не о том говорим. Скажи, ты согласен помочь нам? Я помню, у тебя была нужная нейросеть. «Мария», кажется? Она ещё осталась?

Кудзу улыбнулся.

— От той «Марии» мало что осталось. Пойдём, познакомлю тебя с новой версией. «Мария 4.2».

Они вошли в предбанник перед серверной. Кудзу уселся за терминал и указал Борису на место рядом с собой. Тот сел и достал флешку.

— Тут список всех участников. Известные люди, их ни с кем не перепутаешь.

— Понятно.

Кудзу вставил флешку в разъём и застучал по клавишам. Подождал несколько минут, пока остановится бег строчек на консоли. Внимательно просмотрел результаты поиска.

— Нет, — сказал он наконец, — ничего. Никаких паразитов и биомемов.

— А что-нибудь ещё из этого набора?

Кудзу снова прокрутил таблицу результатов поиска.

— Три раза упомянули симбиоз, один раз мутуализм и один раз — расширенный фенотип.

— Чёрт! — выругался Борис.

— Что такое?

— Слова знакомые. Оля именно так это называла, когда болела. Кудзу, мы на верном пути! Копай дальше, ответы где-то рядом.

34

Кудзу снова застучал по клавиатуре. Потом откинулся в кресле и закрыл глаза. Мария что-то искала, сравнивала, выявляла зависимости. Раздался негромкий звонок, Кудзу встрепенулся, открыл глаза и уставился в монитор. С минуту изучал схемы на экране, затем склонился над клавиатурой, набирая команды новых запросов. Этот безмолвный диалог продолжался минут десять. Наконец Кудзу удовлетворённо хмыкнул и повернулся к Борису.

— Есть интересные пересечения по геолокациям. В течение недели перед встречей семнадцать участников посетили Боровое.

— А что в Боровом? — спросил Борис.

— Комплекс закрытых биолабораторий. Но слушай дальше. Мария отследила маршруты всех служебных машин Борового по трекингу. Догадаешься, что выяснилось?

— Спэцы из Борового посетили всех остальных участников?

— Правильно. А дальше ещё интереснее. Вот локации их родственников две недели назад.

Кудзу щёлкнул мышкой, и на экране появилась карта мира, усеянная красными точками.

— Обычная локация чиновничьей родни. Европа и Америка. А теперь смотри, где они сейчас.

Точки на экране пришли в движение.

— Узнаёшь место? — спросил Кудзу. — Все они или на пути в Боровое, или на пути из Борового. Понимаешь, что это значит?

Борис вскочил с места.

— Они прививаются! У них уже есть вакцина! Они привились сами, а теперь прививают всех, кого решили взять в свой ковчег! Значит, у нас остались считанные дни, максимум недели. А потом религии мультиверса дадут карт-бланш, и паразит начнёт распространяться уже бесконтрольно.

— Именно! — сказал Кудзу. — Но жирные ублюдки совершили ошибку, не приняв нас в расчёт. А мы остановим этих гадов!

— Как?

— Как твой отец в своё время². Скажем людям правду, откроем им глаза.

² Эта история описана в книге «/soft/total/», первой книге цикла «Мир /soft/total/».

— Кудзу, времена изменились! Никто не даст нам говорить правду, за любой чих против актуальной повестки тебя тут же забанят нагло.

— Меня не так-то просто забанить! — гордо сказал Кудзу. — Знаешь, кто лучший в мире укротитель модераторов?

Борис в отчаянии тряхнул головой.

— Кудзу, ты живёшь прошлым! Сегодня никто уже не будет вести благородную дуэль на айпишниках. Просто придут и тупо конфискуют все твои сервера. Вместе с накопителями, телефонами и прочей электроникой. Ты этого хочешь?

— Что, вот так просто придут и вынесут? — не поверил Кудзу. — Без суда?

— До суда. Как вещественные доказательства нематериального преступления. Ты же хочешь выступить против биомема, то есть против пропаганды добра. А это хейтспич, язык вражды; за такое сегодня можно и уголовку получить.

Кудзу недовольно пробурчал что-то себе под нос, слов было не разобрать.

— Я знаю, ты можешь временно перехватить контроль над любой инет-площадкой, — продолжил Борис, — можешь вывесить наш манифест на самых посещаемых ресурсах. Но это не решит нашу проблему. Дело ведь не в том, что люди не могут найти правдивую информацию. Всё гораздо хуже — даже если правда будет у них перед носом, они не захотят в неё верить. Все зачарованы мемом мультиверса — мир, добро, все дела. Правда никому не нужна.

— Что же нам делать? — спросил Кудзу.

— Пока ничего. Будем думать. Если что-то придёт в голову — звони. Я тоже буду держать тебя в курсе.

— Хорошо, — сказал Кудзу, — скинуть тебе на почту результаты анализа?

— Не стоит светиться, — ответил Борис, — скинь лучше на флешку.

35

Увидев запись, Матвей негромко выругался. Закрыл приложение, вынул флешку и вернул её Борису.

— Времени у нас действительно в обрез. Сходи в лабораторию, покажи это Давиду.

— Думаешь, это его подстегнёт?

— Знаешь, Винер как-то сказал, что Советам незачем было красть у Штатов чертежи атомной бомбы. Главный вопрос, над которым все бились — возможно ли такое в принципе. Но после того, как Штаты показали бомбу в действии, тайн уже не осталось; всё остальное было делом техники.

— Понятно, — сказал Борис. — Я потом ещё к Варваре схожу, ей тоже будет полезно это увидеть.

— Сходи, — согласился Матвей.

Аруджанов посмотрел запись с интересом, но без особого восторга.

— Если бы ты мне ещё какую-нибудь подсказку принёс... А так...

Его прервал телефонный звонок. Звонил Кудзу.

— Не знаю, важно ли это. «Мария» просканировала ближний круг на сегодняшний день. Это трудно заметить, но у некоторых родственников насморк. А ещё неделю назад ничего подобного не было.

— Спасибо, Кудзу, — сказал Борис, — это действительно может быть важно.

— Что там у тебя? — спросил Аруджанов.

— Продолжаем отслеживать вакцинированных, — ответил Борис. — У некоторых насморк...

— Вирус! — перебил его Аруджанов. — Чёрт возьми, вирус! Как же я раньше не догадался! Боря, ты молодец, ты своё дело сделал. А теперь выметайся из лаборатории, мне надо работать.

Варвару Петровну запись тоже не впечатлила.

— И что ты хочешь сказать? Что мне надо ускориться? У меня все операции плановые, и ни одну я не сдвину ни на час! Если собрать вместе девять беременных женщин...

Она осеклась, увидев, как скривилось лицо Бориса.

— Ладно, не переживай. Завтра я верну Ольге её ребенка, вот она у меня в плане. Держи за них кулаки, или что там у вас сейчас принято.

Борис вскочил с места.

— Варвара Петровна! Вы просто!.. Вы наш ангел-хранитель! Мы бы без вас... Я не знаю... А можно мне увидеть Олю?

Варвара Петровна улыбнулась.

— Не наглей. Ольгу сейчас готовят к операции. Через неделю — может быть. Если будешь хорошо себя вести.

Борис покорно склонил голову:

— Слушаю и повинуюсь!

Через неделю Варвара Петровна разрешила свидание, и Борис ворвался в Олин бокс.

— Покажи-покажи-покажи! — выпалил он вместо приветствия.

Оля улыбнулась и задрала пижамную куртку. Борис присел рядом и осторожно погладил плоский живот с трогательной ямкой пупка. Сдвинул резинку пижамных штанов и, едва касаясь, провёл пальцем по свежему шраму.

— Я послушаю?

Оля кивнула. Борис приложил ухо к её животу.

— Там кто-то бурчит!

Оля фыркнула.

— Это в кишках. Перистальтика. Ты, Борька, умный парень, но в некоторых вопросах дремуч, как валенок.

— И ничего нельзя услышать?

— Ухом — нет. Но я сегодня слушала его сердечко. Ты не представляешь... Это волшебно!

— Его? — спросил Борис. — У нас будет мальчик? Ты уже знаешь?

— «Его» — это ребёнка. А с полом он ещё не определился.

— Определяйся быстрее! — строго приказал Борис и поцеловал прохладный живот.

Оля обняла его голову и прижала к себе.

— Я так счастлива! Жаль только, что эксперимент сорвался. Вам же надо было оценить настроение заражённой после выздоровления, а я со своей беременностью всё испортила.

— Глупенькая, — сказал Борис, забираясь руками под пижаму, — слова «беременность» и «испортила» не могут стоять в одной фразе.

36

Борис с Матвеем шли в медотсек, когда на них налетел запыхавшийся Костя.

— Хорошо, что вы вместе! Давид просил передать, что у нас всё получилось!

— Он всё-таки подобрал нужный вирус? — спросил Матвей.

— Лучше! Подобрал он его почти сразу, найти убийцу пацифика было не так сложно. Но Давид сделал его заразным! Подсадил его к риновирусу — к ОРВИ, если по-простому. Теперь этой команде для передачи даже поцелуев не надо, разлетятся старым добрым воздушно-капельным. А потом неделя на сморка — и хана пацифику.

Матвей повернулся к Борису и схватил его за рукав:

— Ты понимаешь, что это значит?! Это же вакцина!

— Да! — заорал Костя. — Это самораспространяющаяся заразная вакцина!

Прокатится по миру, как грипп, уничтожит пацифика и затухнет. Идеальный вариант!

— Идеальный, — согласился Борис. — Мэм только жалко. Хороший был мэм, годный.

— Мем никто и не тронет, — пообещал Матвей. — Вирус убьёт паразита, а мем сохранится. И религия мультиверса сохранится, только паства у неё сильно поубавится. Настоящих-то гуманистов мало — которые творят добро по своей воле, без паразитов.

— Это верно, — сказал Борис, — настоящих мало. Интересно, что станет с Горевым? Надо будет навестить его через пару недель.

— Думаю, он так и останется патриархом, — предположил Матвей. — Если не мировой религии, то хотя бы локального культа. Его мемы чрезвычайно живучи, раз смогли распространиться так широко. У мемов же как у генов — жёсткая конкуренция, выживают только совместимые с актуальным мемофоном. Горев нашёл такую нишу и очень удачно в неё вписался.

Матвей и Костя не скрывали своей радости — проблема должна была разрешиться самым благоприятным образом, лучшего нельзя было и пожелать. Борис прекрасно понимал это, но не мог смеяться вместе с друзьями — в горле застрял колючий сухой комок. Неужели всё было напрасно? Весь ад, через который пришлось пройти Оле, полостная операция со всеми её рисками и последствиями. А всего-то и надо было — немного подождать. Оля вернулась бы с той стороны после лёгкого насморка, живая и здоровая. Знать бы заранее...

У дверей медотсека Борис внезапно остановился.

— Матвей, а нас за это не прикроют? Мы ведь сорвали планы очень серьёзных людей. Возможно даже планы мировой элиты.

— Мы-то тут при чём? — ответил Матвей. — Мы ничего не делали. Вирус нашли в Боровом, а он возьми и мутнируй. Понятное дело, всяка тварь хочет размножаться. Мы только наблюдали за процессом.

— И Давиду сказать, что он ничего не сделал? — спросил Костя. — Так прямо и передать?

— Так прямо и передай, — подтвердил Матвей. — Он мужик умный — поймёт, что так будет лучше.

Костя отошёл, не скрывая разочарования. Видимо, он уже грезил публикациями, рейтингами и чем там ещё грезят молодые практиканты. Борис и Матвей прошли дальше и через минуту оказались у дверей Олиного бокса. Девушка полусидела в кровати, рассматривая снимок УЗИ. Ещё несколько похожих снимков лежали на прикроватной тумбочке.

Борис бросился к Оле, Матвей деликатно присел в стороне. Полюбовавшись фотографиями, Борис рассказал девушке о заразной вакцине. Оля слушала его не перебивая. Закончив рассказ, Борис придвинулся ближе и сжал в руках её ладонь.

— Мы готовы начать в любой момент. Но я хотел спросить... Ты, возможно, единственный человек, который побывал на той стороне и вернулся обратно. Скажи, мы всё делаем правильно?

Оля улыбнулась и накрыла его руку своей ладонью.

— Знаешь, в конце мая я видела в городе девушку. Её футболка была вся покрыта надписями на разных языках, даже в разных алфавитах. Самая большая была на спине, между лопаток. Там было написано «ЗЛО1». Я смотрела и никак не могла понять, почему такая юная барышня выбрала зло, да ещё первым номером. А потом восприятие смутилось, и я поняла, что это просто перевёрнутое «LOVE». Барышня выбрала любовь, как и полагалось ей по возрасту. Но фокус вот в чём. После этого смещения я уже не могла развидеть LOVE. Как ни старалась, я не могла больше увидеть в надписи ЗЛО1; она и близко не была похожа. Это не куб Нукера, где восприятия равнозначны; восприятие кажимости в корне отлично от восприятия реальности. Кажимость может показаться реальностью, но как только увидишь реальность, никаких сомнений не остается. Как со сном — сон может показаться бодрствованием, но как только проснёшься, все сомнения исчезают.

— Я, кажется, тебя понял, — кивнул Борис.

— Тут всё просто, — сказала Оля. — Пацифик создаёт кажимость, а вы вернёте людям реальность. Поэтому у меня только один вопрос — когда начнёте?

— Считай, что уже начали, — ответил Матвей, — в субботу устроим в институте корпоратив, пригласим всех сотрудников, даже тех, кто на больничном.

— Пригласим всех со вторыми половинками, — добавил Борис. — Придёшь?

Оля не успела ответить. В дверях показалась голова Варвары Петровны.

— Мужчины, вы охренели?! У Ольги постельный режим. Даже не думайте!

Все сделали серьёзные лица, и голова скрылась.

— Корпоратив по слухам завершения проекта? — спросила Оля.

— Какого проекта? — округлил глаза Борис. — Не было же никакого проекта!

Правда, Матвей?

— Не было, — подтвердил Матвей, — Была спонтанная мутация вируса. Мы не имеем к ней никакого отношения.

— Понятно, — улыбнулась Оля.

И шёпотом спросила:

— Принесёшь мне бандаж? Не хочу пропустить такое событие.

37

Денег на корпоратив не пожалели, и слухи о масштабах торжества поползли по институту за два дня до события. Кто-то распечатал листок с перечнем заказанных элитных напитков и эксклюзивных закусок; его передавали из рук в руки, восхищаясь щедростью руководства. В результате все отнеслись к празднику очень серьёзно и разоделись как на Новый год. Дамы потели в вечерних платьях, мужчины потели в строгих костюмах.

Оля пришла в лёгком летнем платье, провокационно коротком. Мужчины постоянно косились на неё, дамы недовольно хмурились. Борис тоже хмурился, но благородно молчал — в этом платье Оля пришла в институт в день заражения; другой одежды здесь у неё не было.

Веселье между тем перешло к финальной фазе. Мужчины давно сняли пиджаки и засучили рукава; они кучковались у раскрытых окон и бурно обсуждали что-то, размахивая руками. Дамы обмахивались салфетками, изредка промокая ими уголок носа. Колыванов лез целоваться ко всем подряд, не зная, что уже заражён и вместе с пацификом распространяет и его убийцу.

Дело было сделано. Матвей отодвинул пустую стопку и предложил выйти на террасу. В воздухе уже чувствовалась вечерняя прохлада, после душной атмосферы зала это было облегчением. Здесь хотелось дышать полной грудью. Оля встала между мужчинами и взяла обоих под руки.

— Мальчики, вы, конечно, очень крутые, вы спасли мир и всё такое. Но вы ведь не стояли на страже. Вы обнаружили пацифика случайно; если бы Марина не прислала своё видео, вы бы и не подумали копать в ту сторону. А что если он не один такой? Что если прямо сейчас нашим сознанием управляет ещё какой-нибудь паразит? Пацифика же хотели объявить симбионтом и дать ему ярлык на правление; но кто сказал, что это был единственный опыт?

— И мы ведь в этом случае даже ничего не почувствуем, — сказал Борис.

— Конечно, — согласился Матвей, — если кто-то изменит настройки в наших мозгах, мы в принципе не сможем это обнаружить. Ведь все наши мысли и чувства будут восприниматься нами как свои, подлинные. Это проблема Мюнхгаузена, пытающегося вытащить себя из болота за косицу.

— Ты прав, не сможем, — сказал Борис, — разве что по косвенным признакам.

— Например?

— Если кто-то действовал целенаправленно, то он должен был озабочиться и проблемой маскировки. Чтоб никто не догадался. Например, заказать какому-нибудь писателю книгу с совершенно безумными идеями — от коллективного разума

одноклеточных паразитов до биорасы, создающей себе биороботов из подручных материалов — от муравья до человека. А ещё лучше — книгу про биомемы, управляющие религиями и научными теориями. Чтобы все посмеялись и отметили для себя этот вопрос как пройденный, к которому незачем возвращаться. Но на такое вряд ли стоит рассчитывать.

— Кстати, это идея, — сказал Матвей, — может, кто-то об этом уже написал. Или пишет прямо сейчас. Попроси Кудзу — пусть помониторит сети.

2022

«Биомем» — четвёртая книга серии «Мир /soft/total/». Хотите узнать, с чего всё началось? Найдите в интернете все книги серии, это совсем не сложно.

Строительство цифрового концлагеря началось очень давно. Постепенно, маленькими шагами, почти незаметно. Никакого принуждения, всё только добровольно. Приватность в обмен на удобство и безопасность.

Так что же не так в этом удобном и безопасном мире?

Компьютерное моделирование личности освоено; но как оценить его успешность? Что получилось в итоге — самоосознающая личность или бездумная эвристическая машина?

Проблем нет, пока модели далеки от совершенства. Но чем выше правдоподобие, тем больше возникает вопросов.

Нельзя создать мыслящую машину, не зная, что такое мышление. Но можно, даже не желая того, создать предпосылки для самозарождения искина в цифровой среде. А потом мучительно решать — добро это или зло? Беда или благо? Кто виноват и что делать?

Искусственный интеллект уже на пороге, но как его узнать? Танцы философских зомби в китайской комнате.